

В. И. Ленинъ

Аграрный вопросъ и критики Маркса

Цѣна 15 коп.

Н. ЛЕНИНЪ.

Аграрный вопросъ и „критики“ Маркса.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„БУРЕВѢСТНИКЪ“
ОДЕССА. — 1905.

Тип. И. Копельмана. Одесса

Н. ЛЕНИНЪ.

Аграрный вопросъ и „критики“ Маркса.

Книгоиздательство

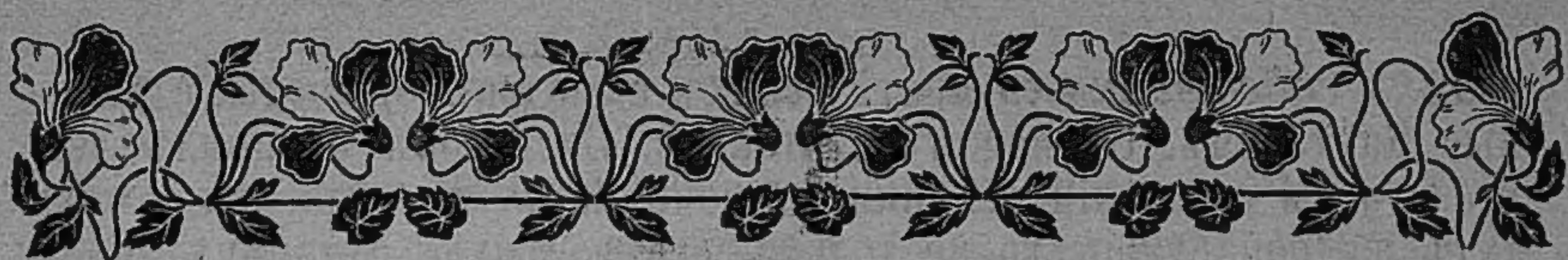

„БУРЕВѢСТНИКЪ“.

Дозволено цензурою. Одесса, 23 іюля 1905 года.

ОДЕССА 1905.
Типо-литографія и нотопечатня И. Копельмана.
Троицкая, 26, уг. Пушкинской.

...«Доказывать,... что догматическій марксизмъ въ области аграрныхъ вопросовъ сбитъ съ позиціи—значило бы стучаться въ открытую дверь»... Такъ заявило въ прошломъ году «Русское Богатство» устами г. В. Чернова (1900 г. № 8 стр. 204). Страннымъ свойствомъ обладаетъ этотъ «догматическій марксизмъ»! Вотъ уже много лѣтъ ученые и ученѣйшіе люди Европы важно заявляютъ (а газетчики и журналисты повторяютъ и пересказываютъ), что марксизмъ уже сбитъ съ позицій критикой,—и, тѣмъ не менѣе, каждый новый критикъ опять съ начала начинаетъ трудиться надъ обстрѣливаніемъ этой, якобы уже разрушенной, позиціи. Г. В. Черновъ, напримѣръ, и въ журналѣ «Русское Богатство» и въ сборникѣ «На славномъ посту» на протяженіи *цѣлыхъ 240 страницъ* «стучится въ открытую дверь», «бесѣдуя» съ читателемъ по поводу книги Герца. Столь обстоятельно пересказанное сочиненіе Герца, который, въ свою очередь, бесѣдуетъ о книгѣ Каутскаго, переведено уже на русскій языкъ. г. Булгаковъ, исполняя свое обѣщаніе опровергнуть того же Каутскаго выпустилъ цѣлое двухтомное изслѣдованіе. Теперь уже, навѣрное, никто не доищется и остатковъ «догматическаго марксизма», раздавленнаго на смерть этими горами критической печатной бумаги.

I.

Присмотримся сначала къ общей теоретической физіономіи критиковъ. Г. Булгаковъ выступилъ еще въ журналѣ «Начало» со статьей противъ «Аграрнаго вопроса» Каутскаго и обнаружилъ сразу всѣ свои критическіе пріемы. Съ необычайной хлесткостью и развязностью истиннаго наѣздника «разносилъ» онъ Каутскаго, подсовывая ему то, чего онъ не говорилъ; обвиняя его, Каутскаго, въ игнорированіи обстоятельствъ и соображеній, точно изложенныхъ имъ же, Каутскимъ; преподнося читателю подъ видомъ

своихъ собственныхъ критическихъ выводовъ—выводы, сдѣланные Каутскимъ. Съ видомъ знатока г. Булгаковъ обвинялъ Каутскаго въ смѣшеніи техники и экономики,—и самъ при этомъ тутъ же обнаруживалъ не только невѣроятную путаницу, но и свое нежеланіе дочитывать до конца цитируемыя имъ страницы у своего противника. Само собою разумѣется, что статья будущаго профессора кишѣла избитыми выходками противъ соціалистовъ, противъ «теоріи краха», утопизма, вѣры въ чудеса и проч. Теперь въ своей докторской диссертаціи («Капитализмъ и земледѣліе», Спб. 1900 г.) г. Булгаковъ покончилъ всѣ счеты съ марксизмомъ и довелъ свою «критическую» эволюцію до ея логическаго конца.

Во главу угла своей «теоріи аграрнаго развитія» г. Булгаковъ ставитъ «законъ убывающаго плодородія почвы». Намъ приводятъ выдержки изъ сочиненій классиковъ, установившихъ этотъ «законъ» (въ силу котораго каждое добавочное вложеніе труда и капитала въ землю сопровождается не соотвѣтственнымъ, а уменьшающимся количествомъ добываемаго продукта), намъ сообщаютъ списокъ англійскихъ экономистовъ, признающихъ этотъ законъ, насъ увѣряютъ, что онъ «имѣетъ универсальное значеніе», что это—«вполнѣ очевидная истина, которую совершенно невозможно отрицать», «которую достаточно лишь ясно констатировать» и пр. и т. д. Чѣмъ рѣшительнѣе выражается г. Булгаковъ, тѣмъ яснѣе видно, что онъ *пятится назадъ*, къ буржуазной политической экономіи, заслонявшей общественныя отношенія вымышленными «вѣчными законами». Въ самомъ дѣлѣ, къ чему сводится «очевидность» пресловутаго «закона убывающаго плодородія почвы»? Къ тому, что если бы послѣдующія приложенія труда и капитала къ землѣ давали не уменьшающееся, а одинаковое количество продукта, то тогда незачѣмъ было бы вообще расширять запашки, тогда добавочное количество хлѣба можно было бы производить на прежнемъ количествѣ земли, какъ бы мало это количество ни было, тогда «земледѣліе всего земного шара можно было бы умѣстить на одной десятинѣ». Таковъ обычный *(и единственный)* доводъ въ пользу «универсальнаго» закона. И самое небольшое размышленіе покажетъ всякому, что этотъ доводъ представляетъ изъ себя безсодержательнѣйшую абстракцію, которая оставляетъ въ сторонѣ самое главное: уровень техники, состояніе производительныхъ силъ. Въ сущности, вѣдь самое понятіе: «добавочныя (или: послѣдовательныя) вложенія труда и капитала» *предполагаетъ* измѣненіе способовъ производства, преобразованіе техники. Чтобы увеличить въ значительныхъ размѣрахъ количество вкладываемаго въ землю ка-

питала, надо *изобрѣсти* новыя машины, новыя системы полеводства, новые способы содержанія скота, перевозки продукта и пр. и пр. Конечно, въ сравнительно небольшихъ размѣрахъ «добавочныя вложенія труда и капитала могутъ происходить (и происходятъ) и на базисѣ даннаго неизмѣннаго уровня техники: въ этомъ случаѣ примѣнимъ *до нѣкоторой степени* и «законъ убывающаго плодородія почвы», примѣнимъ въ томъ смыслѣ, что неизмѣнное состояніе техники ставитъ очень узкіе, сравнительно, предѣлы добавочнымъ вложеніямъ труда и капитала. Вмѣсто универсальнаго закона мы получаемъ, слѣдовательно, въ высшей степени относительный «законъ»,—настолько относительный, что ни о какомъ «законѣ» и даже ни о какой кардинальной особенности земледѣлія не можетъ быть и рѣчи. Возьмемъ за данное: трехполье, посѣвы традиціонныхъ зерновыхъ хлѣбовъ, навозное скотоводство, отсутствіе улучшенныхъ луговъ и усовершенствованныхъ орудій. Очевидно, что при условіи неизмѣнности этихъ данныхъ предѣлы добавочныхъ вложеній труда и капитала въ землю крайне узки. Но и въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ которыхъ все-таки добавочныя вложенія труда и капитала возможны, *отнюдь не всегда и не безусловно* будетъ наблюдаться уменьшеніе производительности каждаго такого добавочнаго вложенія. Возьмемъ промышленность. Представимъ себѣ мукомольное или желѣзопередѣлочное производство въ эпоху, предшествовавшую всемірной торговлѣ и изобрѣтенію паровыхъ машинъ. При этомъ состояніи техники предѣлы добавочныхъ вложеній труда и капитала въ ручныя кузницы, вѣтряныя и водяныя мельницы были крайне узки; неизбѣжно должно было наблюдаться громадное распространеніе мелкихъ кузницъ и мельницъ, пока радикальное преобразованіе способовъ производства не создало базиса для новыхъ формъ промышленности.

Итакъ: «законъ убывающаго плодородія почвы» вовсе не примѣнимъ къ тѣмъ случаямъ, когда техника прогрессируетъ, когда способы производства преобразуются; онъ имѣетъ лишь весьма относительное и условное примѣненіе къ тѣмъ случаямъ, когда техника остается неизмѣнной. Вотъ почему ни Марксъ, ни марксисты и не говорятъ объ этомъ «законѣ», а кричатъ о немъ только представители буржуазной науки, вродѣ Брентано, которые никакъ не могутъ отдѣлаться отъ предразсудковъ старой политической экономіи съ ея абстрактными, вѣчными и естественными законами.

Г. Булгаковъ защищаетъ «универсальный законъ» такими доводами, надъ которыми стоитъ посмѣяться.

«То, что являлось свободнымъ подаркомъ природы, теперь

должно быть сдѣлано человѣкомъ: вѣтеръ и дождь разрыхлили почву, полную питательныхъ элементовъ; достаточно было небольшого усилія со стороны человѣка, чтобы добыть необходимое. Съ теченіемъ времени все большая и большая часть производительной работы отходитъ на долю человѣка; какъ и вездѣ, искусственные процессы все больше становятся на мѣсто естественныхъ. Но если въ индустріи въ этомъ выражается побѣда человѣка надъ природой, то въ земледѣліи это указываетъ на растущую трудность существованія, для котораго природа сокращаетъ свои дары».

«Въ данномъ случаѣ безразлично, выражается ли въ увеличеніи человѣческаго труда или же его продуктовъ, напр., орудій производства или удобренія и т. п. увеличивающаяся трудность производства пищи; (г. Булгаковъ хочетъ сказать: безразлично, выражается ли увеличивающаяся трудность производства пищи въ увеличеніи человѣческаго труда или же въ увеличеніи его продуктовъ); важно только то, что она обходится человѣку все дороже и дороже. Въ этомъ замѣщеніи силъ природы человѣческимъ трудомъ, естественныхъ факторовъ производство искусственными, и заключается законъ убывающаго плодородія почвы» (16).

Очевидно, г. Булгакову не даютъ спать лавры гг. Струве и Туганъ-Барановскаго, додумавшихся до того, что не человѣкъ работаетъ при помощи машины, а машина при помощи человѣка. Подобно этимъ критикамъ и онъ падаетъ до уровня вульгарной экономіи, толкуя о *замѣщеніи* силъ природы человѣческимъ трудомъ и т. п. Замѣстить силы природы человѣческимъ трудомъ, вообще говоря, такъ же невозможно, какъ нельзя замѣстить аршины пудами. И въ индустріи и въ земледѣліи человѣкъ можетъ только пользоваться дѣйствіемъ силъ природы, если онъ позналъ ихъ дѣйствіе, и *облегчать* себѣ это пользованіе посредствомъ машинъ, орудій и т. п. Что первобытный человѣкъ получалъ необходимое, какъ свободный подарокъ природы,—это глупая побасенка, за которую г. Булгакова могутъ освистать даже начинающіе студенты. Никакого золотого вѣка позади насъ не было, и первобытный человѣкъ былъ совершенно подавленъ трудностью существованія, трудностью борьбы съ природой. Введеніе машинъ и улучшенныхъ способовъ производства неизмѣримо облегчило человѣку эту борьбу вообще и производство пищи въ частности. Увеличилась не трудность производства пищи, а трудность полученія пищи для рабочаго—увеличилась потому, что капиталистическое развитіе вздуло земельную ренту и земельную цѣну, сконцентрировало сельскія хозяйства въ рукахъ крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ, сконцентрировало еще больше машины, орудія, деньги, безъ которыхъ невозможно успѣшное производ-

ство. Объяснять эту растущую трудность существованія рабочихъ тѣмъ, что природа сокращаетъ свои дары,—значитъ становиться буржуазнымъ апологетомъ.

«Принимая этотъ законъ,—продолжаетъ г. Булгаковъ—мы вовсе не утверждаемъ непрерывнаго увеличенія трудности производства пищи и не отрицаемъ сельско-хозяйственнаго прогресса: утверждать первое и отрицать второе значило бы идти противъ очевидности. Несомнѣнно, что трудность эта растетъ не непрерывно, развитіе движется зигзагами. Агрономическія открытія, техническія усовершенствованія превращаютъ безплодныя земли въ плодородныя, временно упраздняютъ тенденцію, отмѣченную въ законѣ убывающаго плодородія почвы» (Ibid).

Неправда ли, какъ это глубокомысленно?

Техническій прогрессъ—«временная» тенденція, а законъ убывающаго плодородія почвы, т. е., уменьшающейся (да и то не всегда) производительности добавочныхъ вложеній капитала на базисѣ неизмѣнной техники «имѣетъ универсальное значеніе»! Это совершенно все равно, что сказать: остановки поѣздовъ на станціяхъ представляютъ изъ себя универсальный законъ парового транспорта, а движеніе поѣздовъ между станціями—временная тенденція, парализующая дѣйствіе универсальнаго закона стоянія.

Наконецъ, есть и массовыя данныя, опровергающія наглядно универсальность закона убывающаго плодородія: данныя о земледѣльческомъ и неземледѣльческомъ населеніи. Г. Булгаковъ самъ признаетъ, что «добываніе пищи требовало бы постоянно увеличивающагося относительно» (это замѣтьте!) «количества труда и, слѣдовательно, земледѣльческаго населенія, еслибъ каждая страна была ограничена своими естественными рессурсами» (19). Если въ западной Европѣ земледѣльческое населеніе уменьшается, то это объясняется тѣмъ, что посредствомъ привоза хлѣба удалось отклонить отъ себя дѣйствіе закона убывающаго плодородія. Нечего сказать, хорошо объясненіе! Нашъ ученый забылъ о той мелочи, что относительное уменьшеніе земледѣльческаго населенія наблюдается во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ земледѣльческихъ, и въ вывозящихъ хлѣбъ. Земледѣльческое населеніе относительно уменьшается въ Америкѣ и въ Россіи, оно уменьшается во Франціи съ конца 18-го вѣка (см. цифры въ томъ же сочиненіи г. Булгакова, II, стр. 168); причемъ, это относительное уменьшеніе переходитъ даже иногда въ абсолютное, между тѣмъ, какъ перевѣсъ ввоза хлѣба надъ вывозомъ былъ еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ совершенно ничтоженъ и *только съ 1878 года* не встрѣчается уже совершенно годовъ

съ перевѣсомъ вывоза надъ ввозомъ*). Въ Пруссіи сельское населеніе уменьшалось относительно съ 73,5% въ 1816 г. до 71,7% въ 1849 и 67,5% въ 1871 г., а ввозъ ржи начался лишь съ начала 60-хъ, пшеницы—съ начала 70-хъ годовъ (тамъ же, II, 70 и 88). Наконецъ, если мы возьмемъ европейскія страны, ввозящія хлѣбъ,—напримѣръ, Францію и Германію послѣдняго десятилѣтія,— то мы увидимъ *несомнѣнный прогрессъ* сельскаго хозяйство на ряду съ *абсолютнымъ уменьшеніемъ* числа занятыхъ имъ рабочихъ; во Франціи это число уменьшилось съ 1882 по 1892 г.—съ 6913504 до 6663135 (Statist. agric. ч. II, стр. 248—251), въ Германіи съ 1882 г. по 1895 г.—съ 8064 тыс. до 8045 тыс.**). Такимъ образомъ, можно сказать, что вся исторія 19-го вѣка массовыми данными по отношенію къ самымъ различнымъ странамъ неопровержимо доказываетъ, что «универсальный» законъ убывающаго плодородія *совершенно парализованъ* «временной» тенденціей техническаго прогресса, который даетъ возможность уменьшающемуся относительно (а иногда даже абсолютно) сельскому населенію производить увеличивающееся количество земледѣльческихъ продуктовъ на увеличивающуюся массу населенія.

Кстати сказать, эти массовыя статистическія данныя вполнѣ опровергаютъ также два слѣдующихъ центральныхъ пункта «теоріи» г. Булгакова, именно: во-первыхъ, его утвержденіе, что «къ земледѣлію совершенно неприложима» теорія болѣе быстраго роста постояннаго капитала (орудій и матеріаловъ производства) сравнительно съ перемѣннымъ (рабочая сила). Г. Булгаковъ преважно заявляетъ, что эта теорія невѣрна, ссылаясь на подтвержденіе своего мнѣнія: а) на «проф. А. Скворцова» (знаменитаго

*) Statistique agricole de la France. (Enquête de 1892) P. 1897. P. 113.

**) Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, Bd. 112. Die Landwirthschaft im Deutschen Reich. Berlin 1898. S. 6*. Г. Булгакову, разумѣется, непріятенъ этотъ, разрушающій все его мальтузіанство, фактъ техническаго прогресса при уменьшающемся сельскомъ населеніи. Нашъ „строгій ученый" прибѣгаетъ, поэтому, къ такой уловкѣ: вмѣсто того, чтобы взять сельское хозяйство въ собственномъ смыслѣ слова (земледѣліе, скотоводство и т. п.), онъ беретъ (вслѣдъ за данными объ увеличивающемся количествѣ *земледѣльческихъ* продуктовъ съ 1 гектара!) „сельское хозяйство въ широкомъ смыслѣ", куда нѣмецкая статистика включаетъ и оранжерейное и торговое огородничество, и *лѣсоводство и рыболовство*! Получается увеличеніе общей суммы лицъ, дѣйствительно занятыхъ „земледѣліемъ"! (Булгаковъ II, 133). Приведенныя въ текстѣ цифры относятся къ лицамъ, для коихъ земледѣліе составляло *главное* занятіе. Число лицъ, занимающихся земледѣліемъ побочно возрасло съ 3144 тыс. до 3578 тыс. Складывать эти цифры съ предыдущими не вполнѣ правильно, но и при сложеніи мы получимъ лишь весьма небольшое увеличеніе: съ 11208 до 11623 тыс.

всего болѣе тѣмъ, что теорію средней нормы прибыли Маркса онъ приписывалъ агитаторскому злоумышленію) и б) на тотъ фактъ, что при интенсификаціи хозяйства увеличивается количество рабочихъ на единицу площади. Это—одно изъ тѣхъ умышленныхъ непониманій Маркса, которыя постоянно высказываютъ представители модной критики. Подумайте только: теорія болѣе быстраго роста постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ опровергается фактомъ увеличенія *перемѣннаго капитала* на единицу площади! И г. Булгаковъ *не замѣчаетъ*, что приводимыя имъ самимъ въ такомъ изобиліи статистическія данныя подтверждаютъ теорію Маркса. Если во всемъ германскомъ земледѣліи число рабочихъ съ 1882 г. по 1895 г. уменьшилось съ 8064 до 8045 тыс. (а при давленіи лицъ, занятыхъ земледѣліемъ побочно, увеличилось съ 11208 до 11623 тыс., т. е., всего на 3,7%), тогда какъ количество скота за это время возрасло съ 23,0 милліоновъ до 25,4 милліоновъ (переводя весь скотъ на крупный), т. е., болѣе чѣмъ на 10%,—число случаевъ употребленія пяти главнѣйшихъ машинъ возрасло съ 458 тыс. до 922 тыс., т. е., болѣе чѣмъ вдвое; количество ввозныхъ удобреній съ 636 тыс. тоннъ (1883) до 1961 тыс. тоннъ (1892) и количество калійныхъ солей съ 304 тыс. двойныхъ центнеровъ до 2400 тыс.*),—то не ясно ли, что отношеніе постояннаго капитала къ перемѣнному увеличивается? Мы уже не говоримъ о томъ, что эти огульныя данныя въ громадной степени скрадываютъ прогрессъ крупнаго производства. Объ этомъ ниже.

Во-вторыхъ, прогрессъ сельскаго хозяйства при уменьшеніи или ничтожномъ абсолютномъ увеличеніи сельскаго населенія вполнѣ опровергаетъ нелѣпую попытку г. Булгакова воскресить мальтузіанство. Изъ русскихъ «бывшихъ марксистовъ» эту попытку сдѣлалъ едва ли не впервые г. Струве въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ», но онъ, какъ и всегда, не пошелъ далѣе робкихъ, недоговоренныхъ и двусмысленныхъ замѣчаній, недодуманныхъ до конца и несведенныхъ къ одной системѣ воззрѣній. Г. Булгаковъ смѣлѣе и послѣдовательнѣе: «законъ убывающаго плодородія» онъ, ничтоже сумняхуся, превращаетъ въ одинъ изъ важнѣйшихъ законовъ исторіи цивилизаціи» (sic! стр. 18). «Вся исторія 19-го вѣка... съ его проблемами богатства и бѣдности была бы непонятна безъ этого закона». «Для меня совершенно несомнѣнно, что соціальный вопросъ въ теперешней его постановкѣ существенно связанъ съ этимъ закономъ» (это нашъ стро-

) Statist. d. D. R., 112, S. 36. Булгаковъ II, 135.

гій ученый заявляетъ уже на 18-ой страницѣ своего «изслѣдованія»!.. «Несомнѣнно,—заявляетъ онъ въ концѣ сочиненія —что, при наличности перенаселенія, извѣстная часть бѣдности должна быть отнесена на счетъ *абсолютной бѣдности,* бѣдности производства, а не распредѣленія» (II,221). «Проблема народонаселенія въ той особенной ея постановкѣ, какую создаютъ условія сельско-хозяйственнаго производства, составляетъ въ моихъ глазахъ главную трудность, которая лежитъ на пути—въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время—сколько нибудь широкому проведенію принциповъ коллективизма или коопераціи въ сельско-хозяйственномъ предпріятіи» (II, 265). «Прошлое оставляетъ въ наслѣдіе будущему хлѣбный вопросъ, болѣе страшный и болѣе трудный, чѣмъ вопросъ соціальный,—вопросъ производства, а не распредѣленія» (II, 455) и проч. и проч. Намъ нѣтъ надобности говорить о научномъ значеніи этой «теоріи», неразрывно связанной съ универсальнымъ закономъ убывающаго плодородія почвы,— послѣ того, какъ мы разобрали этотъ законъ. А что критическое заигрываніе съ мальтузіанствомъ привело въ своемъ неизбѣжномъ логическомъ развитіи къ самому вульгарному буржуазному апологетизму,—это засвидѣтельствовано въ приведенныхъ нами выводахъ г. Булгакова съ неоставляющей ничего желать откровенностью.

Въ слѣдующемъ очеркѣ мы разберемъ данныя нѣкоторыхъ новыхъ источниковъ, указываемыхъ нашими критиками (которые всѣ уши прожужжали о томъ, что ортодоксы чураются детализаціи), и покажемъ, что г. Булгаковъ вообще превращаетъ словечко «перенаселеніе» въ трафаретъ, прикладываніе котораго избавляетъ его отъ всякаго анализа, и, въ особенности, отъ анализа классовыхъ противорѣчій внутри «крестьянства». Теперь же, ограничиваясь обще-теоретической стороной аграрнаго вопроса, мы должны еще коснуться теоріи ренты. Что касается Маркса,—пишетъ г. Б.—то въ третьемъ томѣ «Капитала»—въ томъ видѣ, какъ мы сейчасъ его имѣемъ,—онъ не прибавляетъ ничего, заслуживающаго вниманія, къ теоріи дифференціальной ренты Рикардо» (87). Запомнимъ это «ничего, заслуживающаго вниманія» и сопоставимъ съ приговоромъ критика слѣдующее, сдѣланное имъ раньше заявленіе: «Несмотря на очевидно отрицательное отношеніе къ этому закону (закону убывающаго плодородія почвы), Марксъ усваиваетъ въ основныхъ принципахъ теорію ренты Рикардо, которая построена на этомъ законѣ» (13). Выходитъ, вѣдь, по г. Булгакову, что Марксъ не замѣтилъ связи теоріи ренты Рикардо съ закономъ убывающаго плодородія и потому не свелъ концовъ съ

концами! Мы можемъ одно сказать по поводу такого изложенія: никто такъ не извращаетъ Маркса, какъ бывшіе марксисты; никто не проявляетъ такой невѣроятной без...без...безцеремонности въ подсовываніи критикуемому писателю тысячи и одного смертнаго грѣха.

Утвержденіе г. Булгакова есть вопіющее извращеніе истины. На самомъ дѣлѣ Марксъ не только замѣтилъ эту связь теоріи ренты Рикардо съ его ошибочнымъ ученіемъ объ убывающемъ плодородіи почвы, но и съ полнѣйшей опредѣленностью разоблачилъ ошибку Рикардо. Кто хоть съ капелькой вниманія читалъ третій томъ «Капитала», тотъ не могъ не замѣтить того, въ высшей степени «заслуживающаго вниманія», обстоятельства, что именно Марксъ *освободилъ* теорію дифференціальной ренты отъ *всякой связи* съ пресловутымъ «закономъ убывающаго плодородія почвы». Марксъ показалъ, что для образованія дифференціальной ренты необходимъ и достаточенъ фактъ различной производительности различныхъ приложеній капитала къ землѣ. Совершенно несущественно при этомъ, совершается ли переходъ отъ лучшей земли къ худшей или, наоборотъ, понижается ли производительность добавочныхъ вложеній капитала въ землю или повышается. Въ дѣйствительности имѣютъ мѣсто всевозможныя комбинаціи этихъ различныхъ случаевъ, и ни подъ какое единое общее правило этихъ комбинацій подвести нельзя. Такъ, напр., Марксъ описываетъ сначала дифференціальную ренту перваго вида, происходящую отъ различной производительности приложеній капитала на различныхъ участкахъ земли, и поясняетъ свое изложеніе таблицами (по поводу которыхъ г. Б. дѣлаетъ строгое внушеніе за чрезмѣрное пристрастіе Маркса къ облаченію своихъ —нерѣдко очень простыхъ—мыслей въ сложную математическую одежду). Эта сложная математическая одежда ограничивается четыремя дѣйствіями ариѳметики, а очень простыя мысли оказались, какъ мы видимъ, совершенно непонятными ученымъ профессорамъ. Разобравъ эти таблицы, Марксъ заключаетъ: «Такимъ образомъ, падаетъ та первая невѣрная предпосылка дифференціальной ренты, которая еще господствуетъ у Веста (West), Мальтуса, Рикардо, именно, что дифференціальная рента необходимо предполагаетъ переходъ къ худшей и худшей почвѣ или же постоянно уменьшающуюся производительность земледѣлія. Дифференціальная рента, какъ мы видѣли, можетъ имѣть мѣсто при переходѣ къ лучшей и лучшей землѣ; дифференціальная рента можетъ имѣть мѣсто, если низшую ступень занимаетъ лучшая почва вмѣсто прежней худшей; она можетъ быть связана съ расту-

щимъ прогрессомъ земледѣлія. Ея условіемъ является исключительно неравенство видовъ почвы». (Марксъ не говоритъ здѣсь о различной производительности послѣдовательныхъ вложеній капитала въ землю, ибо это порождаетъ дифференціальную ренту *второго* вида, а въ данной главѣ рѣчь идетъ о дифференціальной рентѣ перваго вида). Поскольку дѣло касается развитія производительности,—постольку дифференціальная рента предполагаетъ, что повышеніе абсолютнаго плодородія всей сельско-хозяйственной площади не уничтожаетъ этого неравенства, а либо усиливаетъ его, либо оставляетъ неизмѣннымъ, либо же только уменьшаетъ». (Das Kapital III, 2, S. 199). Г. Булгаковъ *не замѣтилъ* этого коренного отличія теоріи дифференціальной ренты Маркса отъ теоріи ренты Рикардо. Зато онъ предпочелъ разыскать въ третьемъ томѣ «Капитала» «отрывокъ, позволяющій скорѣе думать, что Марксъ относился къ закону убывающаго плодородія почвы далеко не отрицательно» (стр. 13, примѣч.). Мы извиняемся передъ читателемъ, что намъ придется удѣлить очень много мѣста совершенно несущественному (по отношенію къ интересующему насъ съ г. Булгаковымъ вопросу) отрывку. Но что прикажете дѣлать, если герои современной критики (которые еще смѣютъ обвинять ортодоксовъ въ рабулистикѣ) извращаютъ совершенно ясный смыслъ враждебнаго имъ ученія посредствомъ выхваченныхъ изъ контекста цитатъ и посредствомъ перевранныхъ переводовъ? Г. Булгаковъ цитируетъ найденный имъ отрывокъ такъ: «Съ точки зрѣнія капиталистическаго способа производства всегда происходитъ относительное удорожаніе *(земледѣльческихъ)* продуктовъ, *такъ какъ* (мы просимъ читателя обратить особое вниманіе на подчеркиваемыя *нами* слова) для полученія продукта дѣлается извѣстная затрата: должно оплачиваться нѣчто такое, что прежде не оплачивалось». И Марксъ говоритъ дальше, что элементы природы, входящіе въ производство, какъ агенты его, ничего не стоя, являются даровой естественной производительной силой труда, а если для производства добавочнаго продукта приходится работать безъ помощи этой естественной силы, то необходимо затратить новый капиталъ, что ведетъ къ удорожанію производства.

По поводу такого способа «цитировать» мы должны сдѣлать три замѣчанія. Во первыхъ, словечко «такъ какъ», придающее тирадѣ абсолютный смыслъ установленія какого-то «закона», *вставлено г. Булгаковымъ отъ себя. Въ оригиналѣ* (Das Kapital, III, 2, 277/78) *стоитъ не „такъ какъ“, а „если“. Если* должно оплачиваться нѣчто такое, что раньше не оплачива-

лось, то происходитъ всегда относительное удорожаніе продуктовъ; неправда ли, какъ *это* положеніе похоже на признаніе «закона» убывающаго плодородія? Во-вторыхъ, словечко, «земледѣльческихъ» вставлено вмѣстѣ со скобками г. Булгаковымъ. *Въ оригиналѣ его вовсе нѣтъ.* Г. Булгаковъ рѣшилъ, вѣроятно, со свойственнымъ гг. критикамъ легкомысліемъ, что Марксъ можетъ говорить здѣсь только о земледѣльческихъ продуктахъ и поспѣшилъ дать читателю «поясненіе» совершенно превратнаго свойства. На самомъ дѣлѣ Марксъ говоритъ здѣсь о всѣхъ продуктахъ вообще. Отрывку, цитированному г. Булгаковымъ, предшествуютъ слова Маркса: «вообще должно замѣтить слѣдующее». Даровыя силы природы могутъ входить и въ промышленное производство—таковъ приведенный Марксомъ въ томъ же отдѣлѣ о рентѣ примѣръ водопада, замѣняющаго для одной изъ фабрикъ силу пара,—и если нужно произвести добавочное количество продукта безъ помощи этихъ даровыхъ силъ, то произойдетъ *всегда* относительное удорожаніе продуктовъ. Въ-третьихъ, надо разсмотрѣть, въ какомъ контекстѣ стоитъ этотъ отрывокъ. Марксъ говоритъ, въ этой главѣ о дифференціальной рентѣ съ худшей воздѣлываемой земли и разбираетъ, *какъ и всегда*, два для него совершенно равноправныхъ, *совершенно одинаково возможныхъ*, случая: первый случай—повышающуюся производительность послѣдовательныхъ приложеній капитала (S. 274—276) и второй случай—понижающуюся производительность ихъ (S. 276—278). По поводу этого послѣдняго изъ возможныхъ случаевъ Марксъ говоритъ: «О понижающейся производительности почвы при послѣдовательныхъ приложеніяхъ капитала смотри у Либиха... *Но* должно *вообще* замѣтить слѣдующее» (курсивъ нашъ). Слѣдуетъ переведенный г. Булгаковымъ отрывокъ, гласящій, что «если оплачивается то, что раньше не оплачивалось, то *всегда* происходитъ относительное удорожаніе продуктовъ».

Предоставляемъ самому читателю судить о научной добросовѣстности критика, который превратилъ замѣчаніе Маркса объ одномъ изъ возможныхъ случаевъ въ признаніе Марксомъ этого случая за какой-то общій «законъ».

А вотъ заключительное мнѣніе г. Булгакова о найденномъ имъ отрывкѣ:

«Этотъ отрывокъ, конечно, неясенъ»... Ну, еще бы! Послѣ булгаковской замѣны одного слова другимъ этотъ отрывокъ совершенно даже лишенъ смысла... «но не можетъ быть понятъ иначе, какъ косвенное или даже прямое признаніе (слушайте!)

закона убывающаго плодородія почвы. Мнѣ неизвѣстно, чтобы Марксъ гдѣ-либо еще прямо высказался по поводу послѣдняго» (I, 14). Какъ бывшему марксисту, г. Булгакову «неизвѣстно», что Марксъ прямо объявилъ совершенно невѣрнымъ предположеніе Веста, Мальтуса, Рикардо, будто дифференціальная рента предполагаетъ переходъ къ худшимъ землямъ или падающее плодородіе почвы*). Ему «неизвѣстно», что Марксъ на протяженіи всего своего объемистаго анализа ренты *десятки разъ* показываетъ, что понижающуюся и повышающуюся производительность добавочныхъ затратъ капитала онъ разсматриваетъ, какъ совершенно одинаково возможные случаи!

II.

Теоріи ренты Маркса г. Булгаковъ вообще не понялъ. Онъ увѣренъ, что разбиваетъ эту теорію двумя слѣдующими возраженіями: 1) По Марксу земледѣльческій капиталъ входитъ въ выравниваніе нормы прибыли, такъ что ренту создаетъ добавочная прибыль, превышающая среднюю норму прибыли. Это невѣрно, по мнѣнію г. Булгакова, ибо монополія земледѣлія устраняетъ свободу конкурренціи, необходимую для процесса выравниванія нормы прибыли. Земледѣльческій капиталъ не входитъ въ процессъ выравниванія нормы прибыли. 2) Абсолютная рента есть лишь особый случай дифференціальной ренты, и различеніе ея отъ послѣдней неправильно. Это различеніе основывается на совершенно произвольномъ двоякомъ толкованіи одного и того же факта—монопольнаго владѣнія однимъ изъ факторовъ производства. Г. Булгаковъ такъ увѣренъ въ сокрушительности своихъ доводовъ, что не можетъ воздержаться отъ цѣлаго потока сильныхъ словъ противъ Маркса: petitio principii, немарксизмъ, логическій фетишизмъ, утраты Марксомъ свободы умственнаго полета и пр. А между тѣмъ, оба его довода основаны на довольно грубой ошибкѣ. То же самое одностороннее упрощеніе предмета, которое побудило г. Булгакова возвести одинъ изъ возможныхъ случаевъ (пониженіе производительности добавочныхъ затратъ капитала) въ универсаль-

*) Это опровергнутое Марксомъ невѣрное предположеніе классической экономіи перенялъ, разумѣется, безъ критики, и „критикъ" г. Бугаковъ вслѣдъ за своимъ учителемъ Брентано. „Условіемъ возникновенія ренты,—пишетъ г. Булгаковъ,—является законъ убывающаго плодородія почвы"... (I,90). .. „Англійская рента... фактически различаетъ послѣдовательныя затраты капитала, въ общемъ убывающей производительности (I, 130).

ный законъ убывающаго плодородія,—приводитъ его въ данномъ вопросѣ къ тому, что онъ безъ критики оперируетъ съ понятіемъ «монополія», возводя это понятіе въ нѣчто въ своемъ родѣ тоже универсальное, и смѣшиваетъ при этомъ тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ, при капиталистической организаціи земледѣлія, изъ *ограниченности земли*, съ одной стороны, и изъ *частной собственности на землю*,—съ другой. Это вѣдь двѣ вещи разныя. Объяснимся.

«Условіемъ, хотя и не источникомъ возникновенія земельной ренты,—пишетъ г. Булгаковъ,—является то же самое, что вызвало и возможность монополизаціи земли,—ограниченность производительныхъ силъ земли и безгранично растущая потребность въ нихъ человѣка» (I. 90). Вмѣсто: «ограниченность производительныхъ силъ земли» надо было сказать: «*ограниченность земли*». (Ограниченность производительныхъ силъ земли сводится, какъ мы уже показали, къ «ограниченности» даннаго уровня техники, даннаго состоянія производительныхъ силъ). Ограниченность земли предполагаетъ, дѣйствительно, при капиталистическимъ строѣ общества монополизацію земли, *но земли, какъ объекта хозяйства, а не какъ объекта права собственности.* Предположеніе капиталистической организаціи земледѣлія необходимо включаетъ въ себѣ то предположеніе, что вся земля занята отдѣльными частными хозяйствами, *но отнюдь не включаетъ предположенія,* что вся земля находится въ частной собственности этихъ хозяевъ или другихъ лицъ или въ частной собственности вообще. Монополія владѣнія землей на правѣ собственности и монополія хозяйства на землѣ — вещи совершенно различныя не только логически, но и исторически. Логически мы вполнѣ можемъ представить себѣ чисто капиталистическую организацію земледѣлія при полномъ отсутствіи частной собственности на землю, при нахожденіи земли въ собственности государства или общинъ и т. п. И въ дѣйствительности мы видимъ, что во всѣхъ развитыхъ капиталистическихъ странахъ вся земля занята отдѣльными частными хозяйствами, но эти хозяйства эксплуатируютъ не только свои собственныя, но и арендуемыя ими земли частныхъ собственниковъ, и государственыя земли, и земли общинъ (напримѣръ, въ Россіи, причемъ во главѣ частныхъ хозяевъ на крестьянскихъ общинныхъ земляхъ стоятъ, какъ извѣстно, капиталистическія крестьянскія хозяйства). И Марксъ недаромъ дѣлаетъ въ самомъ началѣ анализа ренты замѣчаніе, что капиталистическій способъ производства застаетъ (и подчиняетъ себѣ) самыя различныя формы поземельной собственности, начиная отъ кла-

новой собственности и феодальной собственности и кончая собственностью крестьянскихъ общинъ.

Итакъ, ограниченность земли неизбѣжно предполагаетъ только монополизацію хозяйства на землѣ (при условіи господства капитализма). Спрашивается, каковы необходимыя послѣдствія *этой* монополизаціи по отношенію къ вопросу о рентѣ? Ограниченность земли ведетъ къ тому, что цѣну хлѣба опредѣляютъ условія производства не на средняго качества землѣ, а на хуже воздѣлываемой землѣ. Эта цѣна хлѣба даетъ фермеру (=капиталистическому предпринимателю въ земледѣліи) покрытіе его издержекъ производства и среднюю прибыль на его капиталъ. Фермеръ на лучшей землѣ получаетъ добавочную прибыль, которая и образуетъ *дифференціальную ренту*. Вопросъ о томъ, существуетъ ли частная собственность на землю, не стоитъ ровно ни въ какой связи съ вопросомъ объ образованіи дифференціальной ренты, которая неизбѣжна въ капиталистическомъ земледѣліи, хотя бы на общинныхъ, государственныхъ, безхозяйныхъ земляхъ. Единственное послѣдствіе ограниченности земли при капитализмѣ— образованіе дифференціальной ренты, вслѣдствіе различной производительности различныхъ затратъ капитала. Г. Булгаковъ усматриваетъ второе послѣдствіе въ устраненіи свободы конкурренціи въ земледѣліи, говоря, что отсутствіе этой свободы препятствуетъ земледѣльческому капиталу участвовать въ образованіи средней прибыли. Это—явное смѣшеніе вопроса о хозяйствѣ на землѣ съ вопросомъ о правѣ собственности на землю. Изъ факта ограниченности земли (независимо отъ частной собственности на землю) вытекаетъ логически только то, что вся земля будетъ занята капиталистами-фермерами, но отнюдь не вытекаетъ необходимость какихъ бы то ни было ограниченій свободы конкурренціи между этими фермерами. Ограниченность земли есть явленіе общее, неизбѣжно кладущее свою печать на всякое капиталистическое земледѣліе. Логическая несостоятельность смѣшенія этихъ различныхъ вещей наглядно подтверждается и исторіей. Не говоримъ уже объ Англіи: въ ней отдѣленіе землевладѣнія отъ земледѣльческаго хозяйства очевидно, свобода конкурренціи между фермерами почти полная, обращеніе образованнаго въ торговлѣ и промышленности капитала на сельское хозяйство имѣло и имѣетъ мѣсто въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но и во всѣхъ остальныхъ капиталистическихъ странахъ происходитъ (вопреки мнѣнію г. Булгакова, тщетно пытающагося вслѣдъ за г. Струве выдѣлить «англійскую» ренту въ нѣчто совершенно своеобразное) *тотъ же самый процессъ* отдѣленія землевладѣнія отъ земледѣльче-

каго хозяйства—только въ самыхъ различныхъ формахъ (аренда, ипотека). Не замѣчая этого процесса (усиленно подчеркиваемаго Марксомъ), г. Булгаковъ, можно сказать, слона не замѣчаетъ. Во всѣхъ европейскихъ странахъ наблюдаемъ мы послѣ паденія крѣпостного права разрушеніе сословности землевладѣнія, мобилизацію земельной собственности, обращеніе торгово-промышленнаго капитала на сельское хозяйство, ростъ аренды и гипотечной задолженности. И въ Россіи, несмотря на наибольшіе остатки крѣпостного права, мы видимъ послѣ реформы усиленную покупку земли крестьянами, разночинцами и купцами, развитіе аренды частновладѣльческихъ, государственныхъ и *общинныхъ* земель и проч. и проч. О чемъ свидѣтельствуютъ всѣ эти явленія? О созданіи свободной конкурренціи въ *земледѣліи*, *вопреки* монополіи *земельной собственности* и несмотря на безконечно разнообразныя формы этой собственности. Въ настоящее время во всѣхъ капиталистическихъ странахъ всякій владѣлецъ капитала можетъ такъ же легко или почти такъ же легко вложить этотъ капиталъ въ сельское хозяйство (посредствомъ покупки или аренды земли), какъ и въ любую отрасль торговли или промышленности.

Г. Булгаковъ въ возраженіе противъ Марксовой теоріи дифференціальной ренты указываетъ на то, что «всѣ эти различія (различія въ условіяхъ производства земледѣльческихъ продуктовъ) противорѣчивы и *могутъ* (курсивъ нашъ) взаимно уничтожать другъ друга; разстояніе, какъ это указывалъ уже Родбертусъ, можетъ парализоваться плодородіемъ; различное же плодородіе можетъ выравниваться болѣе усиленнымъ производствомъ на участкахъ большаго плодородія (I,81.) Напрасно только забываетъ нашъ строгій ученый о томъ, что Марксъ отмѣтилъ этотъ фактъ и сумѣлъ дать ему не такую однобокую оцѣнку. «Ясно,—пишетъ Марксъ,—что эти два различныя основанія дифференціальной ренты, плодородіе и положеніе (земельныхъ участковъ) могутъ дѣйствовать въ противоположномъ направленіи. Земельный участокъ можетъ быть хорошо расположенъ и очень мало плодородeнъ, и наоборотъ. Это обстоятельство важно, ибо оно объясняетъ намъ, почему при распашкѣ земли въ данной странѣ переходъ можетъ совершаться точно такъ же отъ лучшей земли къ худшей, какъ и наоборотъ. Наконецъ, ясно, что процессъ соціальнаго производства вообще дѣйствуетъ, съ одной стороны, нивеллирующимъ образомъ на положеніе (земельныхъ участковъ), какъ на основаніе дифференціальной ренты, создавая мѣстные рынки, создавая положеніе посредствомъ проведенія путей сообщенія; а, съ другой стороны, усиливаетъ раз-

личія въ мѣстномъ положеніи земельныхъ участковъ, какъ посредствомъ отдѣленія земледѣлія отъ промышленности, такъ и посредствомъ образованія крупныхъ центровъ производства, на ряду съ обратной стороной этого явленія: усиленіемъ относительнаго одиночества деревни». (Relative Vereinsamung des Landes). (Das Kapital III, 2, 190). Такимъ образомъ, въ то время, какъ г. Булгаковъ съ побѣдоноснымъ видомъ повторяетъ давно извѣстное указаніе на *возможность* взаимнаго уничтоженія различій, Марксъ ставитъ *дальнѣйшій* вопросъ о превращеніи этой возможности въ дѣйствительность и показываетъ, что рядомъ съ нивеллирующими вліяніями наблюдаются и дифференцирующія. Конечный итогъ этихъ взаимно противорѣчивыхъ вліяній состоитъ, какъ всякій знаетъ, въ томъ, что во всѣхъ странахъ и повсюду *существуютъ* громадныя различія между земельными участками по плодородію и положенію ихъ. Возраженіе г. Булгакова свидѣтельствуетъ только о полной непродуманности его замѣчаній.

«Понятіе послѣдней наименѣе производительной затраты труда и капитала—продолжаетъ г. Булгаковъ—одинаково безъ критики употребляется и Рикардо и Марксомъ. Нетрудно видѣть, какой элементъ произвола вносится этимъ понятіемъ: пусть на землю затрачивается 10 *a* капитала, причемъ каждое послѣдующее *a* отличается убывающей производительностью; общій продуктъ почвы будетъ *A*; очевидно, средняя производительность каждаго *a* будетъ равна *A*/10 и, если весь капиталъ разсматривать, какъ одно цѣлое, то цѣна будетъ опредѣляться именно этой средней его производительностью» (I, 82). Очевидно,—скажемъ мы на это,—что г. Булгаковъ за своими пышными фразами объ «ограниченности производительныхъ силъ земли» просмотрѣлъ *мелочь*: ограниченность земли. Эта ограниченность — совершенно независимо отъ какой бы то ни было *собственности* на землю—создаетъ извѣстнаго рода монополію, именно: такъ какъ земля вся занята фермерами; такъ какъ спросъ предъявляется на весь хлѣбъ, производимый на всей землѣ, въ томъ числѣ и на самыхъ худшихъ и на самыхъ отдаленныхъ отъ рынка участкахъ,—то понятно, что цѣну хлѣба опредѣляетъ цѣна производства на худшей землѣ (или цѣна производства при послѣдней, наименѣе производительной, затратѣ капитала). «Средняя производительность» г. Булгакова есть пустое ариѳметическое упражненіе; ибо дѣйствительному образованію этой средней препятствуетъ ограниченность земли. Чтобы образовалось эта «средняя производительность» и опредѣлила собой цѣны, для этого необходимо, чтобъ каждый капиталистъ не только могъ вообще приложить капи-

талъ къ земледѣлію (настолько въ земледѣліи есть, какъ мы уже говорили, свобода конкурренціи), но также, чтобы каждый капиталистъ могъ всегда—сверхъ наличнаго числа земледѣльческихъ предпріятій—основать новое земледѣльческое предпріятіе, Будь это такъ, тогда между земледѣліемъ и промышленностью никакой разницы не было бы; тогда никакой ренты не могло бы возникнуть. Но именно ограниченность земли дѣлаетъ то, что это не такъ.

Пойдемъ далѣе. Мы разсуждали до сихъ поръ, совершенно оставляя въ сторонѣ вопросъ о собственности на землю; мы видѣли, что такой пріемъ обязателенъ и въ виду логическихъ соображеній, и въ виду историческихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о возникновеніи и развитіи капиталистическаго земледѣлія при всякихъ формахъ землевладѣнія. Введемъ теперь это новое условіе. Предположимъ, что вся земля находится въ частной собственности. Какъ отразится это на рентѣ? Дифференціальная рента будетъ отобрана землевладѣльцемъ на основаніи его права собственности у фермера: такъ какъ дифференціальная рента есть избытокъ прибыли сверхъ нормальной, средней прибыли на капиталъ, и такъ какъ свобода конкурренціи въ смыслѣ свободы вложенія капитала въ сельское хозяйство въ земледѣліи есть (respective создается капиталистическимъ развитіемъ), то землевладѣлецъ всегда найдетъ фермера, удовлетворяющагося средней прибылью и отдающаго ему, землевладѣльцу, сверхъ-прибыль. Частная собственность на землю не создаетъ дифференціальной ренты, а только перемѣщаетъ ее изъ рукъ фермера въ руки землевладѣльца. Ограничивается ли этимъ вліяніе частной поземельной собственности? Можно ли предположить, что землевладѣлецъ *даромъ* позволитъ фермеру эксплуатировать ту худшую и хуже всѣхъ расположенную землю, которая даетъ только среднюю прибыль на капиталъ? Конечно, нѣтъ. Землевладѣніе есть монополія, и на основаніи этой монополіи землевладѣлецъ потребуетъ плату съ фермера и за эту землю. Эта плата будетъ *абсолютной рентой*, не стоящей ни въ какой связи съ различной производительностью различныхъ затратъ капитала *и вытекающей изъ частной собственности на землю.* Обвиняя Маркса въ произвольномъ двоякомъ толкованіи одной и той же монополіи, г. Булгаковъ не далъ себѣ труда подумать, что мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ двоякой монополіей; во-первыхъ, мы имѣемъ монополію хозяйства (капиталистическаго) на землѣ. Эта монополія вытекаетъ изъ ограниченности земли, являясь поэтому необходимой во всякомъ капиталистическомъ обществѣ. Ведетъ *эта* мо-

нополія къ тому, что цѣну хлѣба опредѣляютъ условія производства на худшей землѣ, а избыточная прибавочная прибыль, приносимая затратой капитала на лучшей землѣ или болѣе производительной затратой капитала, образуетъ дифференціальную ренту. Рента возникаетъ совершенно независимо отъ частной поземельной собственности, которая только дастъ возможность землевладѣльцу отобрать ее у фермера. Во-вторыхъ, мы имѣемъ монополію частной собственности на землю. Ни логически, ни исторически эта монополія съ предыдущей неразрывно*) не связана. Ничего *необходимаго* для капиталистическаго общества и для капиталистической организаціи земледѣлія эта монополія собою не представляетъ. Съ одной стороны, мы вполнѣ можемъ мыслить капиталистическое земледѣліе безъ частной собственности на землю, и многіе послѣдовательные буржуазные экономисты требовали націонализаціи земли. Съ другой стороны, мы и въ дѣйствительности встрѣчаемъ капиталистическую организацію земледѣлія при отсутствіи частной поземельной собственности, напр. на земляхъ государственныхъ и общинныхъ. Поэтому, различать эти двоякаго рода монополіи безусловно необходимо, а, слѣдовательно, необходимо на ряду съ дифференціальной рентой признать и существованіе абсолютной ренты, которую *порождаетъ* частная собственность на землю.

Возможность происхожденія абсолютной ренты изъ прибавочной стоимости земледѣльческаго капитала Марксъ объясняетъ тѣмъ, что въ земледѣліи доля перемѣннаго капитала въ общемъ составѣ капитала выше средняго (—предположеніе вполнѣ естественное при несомнѣнной отсталости земледѣльческой техники сравнительно съ промышленной). Разъ это такъ—слѣдовательно, стоимость земледѣльческихъ продуктовъ вообще выше ихъ цѣны производства, а прибавочная стоимость выше прибыли. Между тѣмъ, монополія частной поземельной собственности препятствуетъ этому излишку войти цѣликомъ въ процессъ выравниванія прибыли, и абсолютная рента берется изъ этого излишка**).

---

*) Врядъ ли есть надобность напоминать читателю, что, имѣя здѣсь дѣло съ общей теоріей ренты и капиталистической организаціи земледѣлія, мы не касаемся такихъ фактовъ, какъ давность и распространенность частной поземельной собственности, какъ подрывъ заокеанской конкурренціей послѣдняго указаннаго нами вида монополіи, а отчасти и обоихъ видовъ и т. п.

**) Между прочимъ, мы считали необходимымъ особенно подробно остановиться на теоріи ренты Маркса въ виду того, что ошибочное пониманіе ея мы встрѣтили также у г. П. Маслова („Жизнь" 1901 г. № 3 и 4,

Г. Булгаковъ очень недоволенъ этимъ объясненіемъ и восклицаетъ: «Что же за вещь такая—эта прибавочная цѣнность, что ея, какъ сукно, хлопокъ или другой какой-либо товаръ можетъ хватать или же не хватать для покрытія возможнаго спроса. Прежде всего, это не матеріальная вещь, это—понятіе, служащее для выраженія опредѣленнаго общественнаго отношенія производства» (I, 105). Это противоположеніе« матеріальной вещи»—«понятію» представляетъ изъ себя наглядный образчикъ той схоластики, которую такъ любятъ въ настоящее время преподносить подъ видомъ «критики». Какое значеніе могло бы имѣть «понятіе» о дѣлѣ общественнаго продукта, если бы этому понятію не соотвѣтствовали опредѣленныя «матеріальныя вещи»? Прибавочная цѣнность есть денежный эквивалентъ прибавочнаго продукта, который состоитъ изъ опредѣленной доли сукна, хлопка, хлѣба и всѣхъ прочихъ товаровъ. («Опредѣленность» надо понимать, конечно, не въ томъ смыслѣ, что наука можетъ конкретно опредѣлить эту долю, а въ томъ смыслѣ, что извѣстны условія, опредѣляющія въ общихъ чертахъ размѣръ этой доли). Въ земледѣліи прибавочный продуктъ больше (въ пропорціи къ капиталу), чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленности, и этого излишка (не входящаго въ выравниваніе прибыли, вслѣдствіе монополіи поземельной собственности) можетъ, естественно, «хватать или не хватать на покрытіе спроса» со стороны монополиста-землевладѣльца.

Мы можемъ избавить читателя отъ подробнаго изложенія той теоріи ренты, которую создалъ г. Булгаковъ, по собственному скромному замѣчанію, «собственными силами», «идя своимъ путемъ» (I, 112). Достаточно нѣсколькихъ замѣчаній, чтобъ охарактеризовать этотъ продуктъ «послѣдней наименѣе производи-

---

„Къ аграрному вопросу“), который признаетъ убывающую производительность добавочныхъ затратъ капитала, если не закономъ, то „обыкновеннымъ“ и какъ бы нормальнымъ явленіемъ, связываетъ съ этимъ явленіемъ дифференціальную ренту и отвергаетъ теорію абсолютной ренты. Интересная статья г. П. Маслова содержитъ много вѣрныхъ замѣчаній по адресу критиковъ, но она сильно страдаетъ, какъ отъ указанной сейчасъ ошибочности теоріи автора (который, защищая марксизмъ, не потрудился точно опредѣлить отличіе „своей“ теоріи отъ теоріи Маркса), такъ и отъ ряда неосторожныхъ и совершенно несправедливыхъ утвержденій въ родѣ, напр., того, что г. Бердяевъ „совершенно освобождается отъ вліянія буржуазныхъ писателей“ и отличается „выдержанностью классовой точки зрѣнія не въ ущербъ объективности“, что „во многихъ отношеніяхъ анализъ, сдѣланный Каутскимъ, является мѣстами тенденціознымъ“, что Каутскій „совершенно не опредѣлилъ, въ какомъ направленіи идетъ развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи“, и т. п.

тельной затраты» профессорскаго «труда». «Новая» теорія ренты построена по старинному рецепту: «Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ». Разъ—свобода конкурренціи, тогда уже не должно быть абсолютно никакихъ ограниченій ея (хотя такой абсолютной свободы конкурренціи нигдѣ никогда и не существовало). Разъ монополія — кончено дѣло. Значитъ, рента берется вовсе не изъ прибавочной цѣнности, вовсе даже не изъ земледѣльческаго продукта; она берется изъ продукта неземледѣльческаго труда; это —просто дань, налогъ, вычетъ изъ всего общественнаго производства, вексель землевладѣльца. «Землевладѣльческій капиталъ съ своей прибылью и земледѣльческій трудъ вообще, земледѣліе, какъ объектъ приложенія труда и капитала составляетъ, такимъ образомъ, status in statu въ капиталистическомъ царствѣ... Всѣ (sic!) опредѣленія капитала, прибавочной цѣнности, заработной платы и цѣнности вообще въ примѣненіи къ земледѣлію оказываются величинами мнимыми» (I, 99).

Такъ. Отнынѣ все ясно: и капиталисты и наемные рабочіе въ земледѣліи—все это величины мнимыя. Но если г. Булгакову случается такъ зарапортоваться, то онъ иногда разсуждаетъ и не совсѣмъ неразумно. Черезъ четырнадцать страницъ мы читаемъ: «Производство земледѣльческихъ продуктовъ стоитъ обществу извѣстнаго количества труда; это—ихъ цѣнность». Отлично. Значитъ, уже, по крайней мѣрѣ, «опредѣленія» цѣнности величины не совсѣмъ мнимыя. Дальше: «Разъ производство организовано капиталистически, и во главѣ производства стоитъ капиталъ, то цѣна хлѣба опредѣлится по цѣнамъ производства; значитъ, будетъ произведенъ учетъ производительности даннаго приложенія труда и капитала сравнительно съ среднеобщественной». Прекрасно. Значитъ, и «опредѣленія» капитала, прибавочной цѣнности и заработной платы—величины не совсѣмъ мнимыя. Значитъ, и свобода конкурренціи (хотя и не абсолютная) имѣется на лицо, ибо безъ перехода капиталовъ изъ земледѣлія въ промышленность и обратно невозможенъ былъ бы «учетъ производительности сравнительно съ среднеобщественной». Дальше: «Благодаря же земельной монополіи цѣна поднимается выше цѣнности до тѣхъ границъ, до которыхъ позволяютъ условія рынка». Превосходно. Но только гдѣ же это видывалъ г. Булгаковъ, чтобъ дань, налогъ, вексель и пр. зависѣли отъ условій рынка? Если, благодаря монополіи, цѣна поднимается до границъ, допускаемыхъ условіями рынка, то все отличіе «новой» теоріи ренты отъ «старой» состоитъ въ томъ, что шедшій «своимъ путемъ» авторъ не понялъ, съ одной стороны, разницы между вліяніемъ ограничен-

ности земли и вліяніемъ частной собственности на землю, а, съ другой стороны,—связи между понятіемъ «монополія» и понятіемъ «послѣдняя наименѣе производительная затрата труда и капитала». Удивляться ли послѣ этого, что еще черезъ семь страницъ (I, 120) г. Булгаковъ совсѣмъ забылъ уже о «своей» теоріи и разсуждаетъ о «способѣ дѣлежа этого (земледѣльческаго) продукта между землевладѣльцемъ, капиталистическимъ фермеромъ и сельско-хозяйственными рабочими»? Блестящій финалъ блестящей критики! Замѣчательный результатъ новой, обогатившей отнынѣ науку политической экономіи, *Булгаковской теоріи ренты!*

III.

Перейдемъ теперь къ «замѣчательной», по отзыву г. Булгакова, работѣ Герца (Die agrarischen Fragen im Verhältniss zum Socialismus. Wien 1899. Русскій переводъ А. Ильинскаго, Спб. 1900). Намъ придется, впрочемъ, нѣкоторое время разбирать одинаковые доводы обоихъ этихъ писателей совмѣстно.

Вопросъ о машинахъ въ сельскомъ хозяйствѣ и, въ тѣсной связи съ нимъ, вопросъ о крупномъ и мелкомъ производствѣ въ земледѣліи служатъ для «критиковъ» особенно часто поводомъ къ «опроверженію» марксизма. Ниже мы подробно разберемъ нѣкоторыя приводимыя ими детальныя данныя, а теперь разсмотримъ относящіяся сюда общія соображенія. Критики посвящаютъ цѣлыя страницы подробнѣйшимъ разсужденіямъ насчетъ того, что машины въ земледѣліи встрѣчаютъ больше трудностей примѣненія, чѣмъ въ промышленности, и потому примѣняются меньше и имѣютъ меньше значенія. Все это безспорно и совершенно опредѣленно было указано, напримѣръ, тѣмъ самымъ Каутскимъ, одно имя котораго приводитъ гг. Булгакова, Герца и Чернова въ состояніе, близкое къ невмѣняемости. Но этотъ безспорный фактъ нимало не опровергаетъ того, что примѣненіе машинъ быстро развивается и въ земледѣліи, оказывая на него могучее, преобразующее дѣйствіе. Критики могутъ только «отговариваться» отъ этого неизбѣжнаго вывода посредствомъ такихъ, напримѣръ, глубокомысленныхъ разсужденій: ...«Земледѣліе характеризуется господствомъ природы въ процессѣ производства, несвободой человѣческой воли» (Булгаковъ I, 43) ...«вмѣсто неувѣренной и неточной работы человѣка, она (машина въ промышленности) съ математической правильностью выполняетъ, какъ микроскопическія, такъ и колоссальныя работы. Машина не можетъ дѣлать ничего

подобнаго относительно производства земледѣльческихъ продуктовъ, ибо до сихъ поръ рабочій инструментъ этотъ находится въ рукахъ не у человѣка, а у матери-природы. Это не «метафора» (тамъ же), это дѣйствительно не метафора, а просто пустая фраза, ибо всякій знаетъ, что паровой плугъ, рядовая сѣялка, молотилка и т. п. *дѣлаютъ* работу *болѣе* «увѣренной и точной», а слѣдовательно, сказать «ничего подобнаго»—значитъ, сказать «пустяки», точно такъ же, какъ сказать, что машина въ земледѣліи «не можетъ ни въ какой мѣрѣ (sic!) революціонизовать производство (Булгаковъ. I, 43/44, причемъ цитируются спеціалисты по сельско-хозяйственному машиностроенію, которые, однако, говорятъ только о сравнительномъ отличіи машинъ сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ), или сказать: «Машина не только не можетъ здѣсь превратить работника въ свой придатокъ (?), но этому работнику остается попрежнему роль руководителя процесса» (44), напр., подавальщика при молотилкѣ? Превосходство парового плуга г. Булгаковъ старается ослабить ссылками на Штумпфа и Кутцлеба (писавшихъ о способности мелкаго хозяйства конкуррировать съ крупнымъ) въ противоположность выводамъ спеціалистовъ по сельско-хозяйственному машиностроенію и сельско-хозяйственной экономіи (Фюлинга, Перельса), причемъ фигурируютъ выводы вродѣ того, что возможность паровой вспашки требуетъ особой почвы*) и «чрезвычайно обширныхъ размѣровъ имѣній», (по мнѣнію г. Булгакова, это доводъ не противъ мелкаго хозяйства, а противъ парового плуга!), что, при глубинѣ борозды *въ 12 дюймовъ*, работа скота *дешевле*, чѣмъ пара и т. п. Подобными доводами можно исписать цѣлые томы, нисколько не опровергнувъ этимъ ни того, что паровой плугъ далъ возможность чрезвычайно глубокой вспашки (и глубже, чѣмъ на 12 дюймовъ), ни того, что примѣненіе его быстро развивалось: въ Англіи въ 1867 г. его примѣняло только 135 имѣній, въ 1871 г. было уже въ употребленіи больше 2000 паровыхъ плуговъ (Каутскій); въ Германіи число хозяйствъ, употреблявшихъ паровые плуги, поднялось съ 1882 по 1895 г. съ 836 до 1696.

По вопросу о сельско-хозяйственныхъ машинахъ г. Булгаковъ цитируетъ неоднократно Фр. Бензинга, автора «Спеціальной монографіи о сельско-хозяйственныхъ машинахъ», какъ онъ его

---

*) Герцъ съ особенно „побѣдоноснымъ" видомъ настаиваетъ на этомъ, доказывая невѣрность „абсолютнаго" сужденія (S. 65, рус. пер. 156), что паровой плугъ „при всякихъ обстоятельствахъ" выше упряжнаго. Это вотъ именно называется ломиться въ открытую дверь!

аттестуетъ (I, 44). Было бы большой несправедливостью, если бы мы не отмѣтили и въ данномъ случаѣ, *какъ* цитируетъ г. Булгаковъ, и *какъ* побиваютъ его имъ же вызываемые свидѣтели.

Утверждая, что «конструкція» Маркса о болѣе быстромъ ростѣ постояннаго капитала по сравненію съ перемѣннымъ неприложима къ земледѣлію, г. Булгаковъ ссылается на необходимость все большей затраты рабочей силы по мѣрѣ увеличенія производительности земледѣлія и цитируетъ, между прочимъ, разсчетъ Бензинга. «Общая потребность въ человѣческомъ трудѣ выражается при разныхъ системахъ хозяйства такъ: при трехпольномъ хозяйствѣ — 712 рабочихъ дней; при норфолькскомъ плодоперемѣнномъ хозяйствѣ — 1615 рабочихъ дней; при плодоперемѣнномъ хозяйствѣ съ значительнымъ производствомъ свеклы — 2608 рабочихъ дней» на 60 гектаровъ. (Franz Benzing: Der Einfluss der landwirthschaftichen Maschinen auf Volks und Privatwirtschaft. Breslau 1897, S. 42. Булгаковъ, I, 32). Бѣда только въ томъ, что Бензингъ этимъ разсчетомъ хочетъ доказать именно растущую роль машинъ; примѣняя эти цыфры ко всему сельскому хозяйству Германіи, Бензингъ вычисляетъ, что наличныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ хватило бы только для обработки земли по трехпольной системѣ, и что, слѣдовательно, введеніе плодоперемѣнной было бы вообще *невозможно*, если бы не примѣнялись машины. Такъ какъ извѣстно, что при господствѣ стараго трехполья машины почти совсѣмъ не употреблялись, то разсчетъ Бензинга доказываетъ *обратное* тому, что хочетъ доказать г. Булгаковъ; именно: этотъ разсчетъ доказываетъ, что ростъ производительности земледѣлія необходимо долженъ былъ идти въ связи съ болѣе быстрымъ ростомъ постояннаго капитала по отношенію къ перемѣнному.

Другой разъ, утверждая, что «существуетъ коренная (sic!) разница между ролью машины въ обрабатывающей промышленности и земледѣліи», г. Булгаковъ цитируетъ слова Бензинга: «Сельско-хозяйственныя машины неспособны къ такому безграничному повышенію производства, какъ промышленныя»... (I, 44). И опять не везетъ г. Булгакову. Бензингъ отмѣчаетъ эту, вовсе не «коренную», разницу между земледѣльческими и промышленными машинами въ началѣ VI-ой главы, которая озаглавлена: «Вліяніе сельско-хозяйственныхъ машинъ на валовой доходъ». Разобравъ подробно по отношенію къ каждому отдѣльному виду машинъ данныя спеціальной сельско-хозяйственной литературы и особо произведенной имъ анкеты, Бензингъ получаетъ такой общій выводъ: увеличеніе валовой выручки получается при употре-

леніи парового плуга на 10 процентовъ, рядовой сѣялки—на 10 процентовъ, молотилки—на 15 процентовъ; кромѣ того, рядовая сѣялка сберегаетъ 20 процентовъ сѣмянъ, и только при употребленіи машины для сбора картофеля замѣчается пониженіе валовой выручки на 5 процентовъ. Утвержденіе г. Булгакова: «Во всякомъ случаѣ, паровой плугъ есть единственная изъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, въ пользу которой могутъ быть приведены извѣстныя техническія соображенія» (I,48)—*во всякомъ случаѣ* опровергнуто тѣмъ самымъ Бензингомъ, на котораго неосторожный г. Булгаковъ тутъ же ссылается.

Чтобы дать возможно болѣе точное и цѣльное представленіе о значеніи машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, Бензингъ даетъ рядъ подробнѣйшихъ разсчетовъ о результатахъ хозяйничанья безъ машинъ, съ одной, двумя, и т. д. и, наконецъ, со всѣми важнѣйшими машинами, включая и паровой плугъ и сельско-хозяйственныя подвозныя желѣзныя дороги (Feldbahnen). Оказывается, что при отсутствіи машинъ валовая выручка=69040 маркамъ, расходъ=68615 м., чистый доходъ=425 м., или по 1,37 м. съ гектара, а при употребленіи всѣхъ важнѣйшихъ машинъ валовой доходъ=81078 м., расходъ=62551,5 м., чистый доходъ 18526,5 м. т. е., по 59,76 м. съ гектара; то-есть, *болѣе, чѣмъ въ сорокъ разъ выше*. И это вліяніе однѣхъ только машинъ, ибо система хозяйства предположена неизмѣнной! Что примѣненіе машинъ сопровождается, какъ показываютъ тѣ же разсчеты Бензинга, громаднымъ ростомъ постояннаго капитала и *уменьшеніемъ* перемѣннаго (т. е., капитала, расходуемаго на рабочую силу и самого числа рабочихъ), это разумѣется само собою. Однимъ словомъ, работа Бензинга всецѣло опровергаетъ г. Булгакова и доказываетъ, какъ превосходство крупнаго хозяйства въ земледѣліи, такъ и примѣнимость къ послѣднему закона о ростѣ постояннаго капитала на счетъ перемѣннаго.

Одно только сближаетъ г. Булгакова и Бензинга: это то, что послѣдній стоитъ на чисто буржуазной точкѣ зрѣнія, совершенно не понимаетъ присущихъ капитализму противорѣчій и преблагодушно закрываетъ глаза на вытѣсненіе рабочихъ машинами и т. п. О Марксѣ этотъ умѣренный и аккуратный ученикъ нѣмецкихъ профессоровъ говоритъ съ такой же ненавистью, какъ и г. Булгаковъ, Только Бензингъ послѣдовательнѣе: онъ называетъ Маркса «противникомъ машинъ» вообще, и въ земледѣліи и въ промышленности, такъ какъ, дескать, Марксъ «извращаетъ факты», толкуя о вредномъ вліяніи машинъ на рабочихъ и. вообще, приписывая машинамъ всякія бѣды. (Benzing, I cap. S. 4, 5, 11). Отношеніе

г. Булгакова къ Бензингу паки и паки показываетъ намъ, что перенимаютъ у буржуазныхъ ученыхъ гг. «критики», и на что они смотрятъ сквозь пальцы.

Какого сорта «критика» Герца, это достаточно видно изъ такого примѣра: на стр. 149 (р. пер.) онъ обвиняетъ Каутскаго въ «фельетонныхъ пріемахъ» и на стр. 150 «опровергаетъ» утвержденіе о превосходствѣ крупнаго производства по употребленію машинъ такими доводами: 1) Посредствомъ товариществъ покупка машинъ *доступна* и мелкимъ хозяевамъ. Это, изволите видѣть, опровергаетъ *фактъ* большой распространенности машинъ въ крупныхъ хозяйствахъ! Кому болѣе *доступны* блага товарищескаго соединенія, объ этомъ мы во второмъ очеркѣ особо побесѣдуемъ съ Герцомъ. 2) Давидъ показалъ въ «Socialistische Monatshefte» (V, 2), что употребленіе машинъ въ мелкихъ хозяйствахъ «широко распространено и сильно возрастаетъ... что и рядовая сѣялка часто (sic!) встрѣчается даже въ очень мелкихъ хозяйствахъ. То же самое съ сѣнокосилками и другими машинами» (S. 63, стр. 151 р. пер.) А если читатель обратится къ статейкѣ Давида, то увидитъ, что онъ беретъ *абсолютныя цыфры* о числѣ хозяйствъ, употреблявшихъ машины, а не процентное отношеніе этихъ хозяйствъ ко всему числу хозяйствъ этой группы (какъ дѣлаетъ, разумѣется, Каутскій).

Сопоставимъ эти цыфры, относящіяся ко всей Германіи за 1895 годъ*).

Группы хозяйствъ.	Всего хозяйствъ	Въ томъ числѣ употреблявшихъ машины					
		Сѣялки.	%	Рядовыя сѣялки.	%	Косилки и жатки.	%
До 2 ha	3236367	214	0,01	14735	0.46	245	0,01
2—5 ha	1016318	551	0,05	13088	1,29	600	0.06
5—20 ha	998804	3252	0,33	48751	4,88	6746	0,68
20—100 ha	281767	12091	4,29	49852	17,69	19535	6,93
100 и б. ha	25061	12565	50,14	14366	57,32	7958	31,75
Всего.	5558317	28673	0,52	140792	2,54	35084	0,63

) Stat. d. D. R., 112. Bd., S. 36.

Неправда ли, какъ подтверждаются этимъ слова Давида и Герца, что сѣялки и косилки «часто» встрѣчаются «даже въ очень мелкихъ хозяйствахъ»? И если Герцъ дѣлаетъ «выводъ», что «со стороны статистики утвержденіе Каутскаго совершенно не выдерживаетъ критики», то на чьей сторонѣ наблюдаемъ мы въ самомъ дѣлѣ поистинѣ фельетонные пріемы?

Какъ курьезъ надо отмѣтить, что, отрицая превосходство крупнаго хозяйства по употребленію машинъ, отрицая вызываемый этимъ фактъ чрезмѣрнаго труда и недостаточнаго потребленія въ мелкомъ хозяйствѣ, «критики» сами, однако, когда имъ приходится касаться фактическаго положенія дѣлъ (и когда они забываютъ о своей «главной задачѣ»—опроверженіи «ортодоксальнаго» марксизма), безпощадно себя побиваютъ. «Крупное хозяйство—говоритъ, напр., г. Булгаковъ во II томѣ своей книги (стр. 115)—работаетъ всегда капиталоинтенсивнѣе, чѣмъ мелкое, и потому, естественно, отдаетъ предпочтеніе механическимъ факторамъ производства сравнительно съ живою рабочей силой». Что г. Булгаковъ, въ качествѣ «критика», склоняется вслѣдъ за гг. Струве и Туганъ-Барановскимъ, къ вульгарной экономіи, противополагая механическіе «*факторы* производства» живымъ,—это, дѣйствительно, вполнѣ «естественно». Но естественно ли было, что онъ такъ неосторожно отрицалъ превосходство крупнаго хозяйства?

О концентраціи въ сельско-хозяйственномъ производствѣ г. Булгаковъ выражается не иначе, какъ «мистическій законъ концентраціи» и т. п. Но вотъ приходится ему имѣть дѣло съ англійскими данными, и оказывается, что тенденція къ концентраціи фермъ имѣло мѣсто съ 50-хъ годовъ до конца 70-хъ. «Мелкія потребительскія хозяйства,—пишетъ г. Булгаковъ—соединялись въ болѣе крупныя. *Эта* консолидація земельныхъ участковъ представляется отнюдь не результатомъ борьбы крупнаго и мелкаго производства (?), а сознательнаго (!?) стремленія лэндъ-лордовъ къ повышенію своей ренты соединеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ хозяйствъ, платившихъ весьма низкую ренту, въ крупное, могущее платить большую ренту» (I, 239). Вы понимаете, читатель: *не* борьба крупнаго съ мелкимъ, *а* вытѣсненіе второго, какъ малодоходнаго, первымъ? «Разъ хозяйство поставлено на капиталистическую ногу, то безспорно, что въ извѣстныхъ границахъ крупное капиталистическое хозяйство имѣетъ несомнѣнныя преимущества надъ мелкимъ капиталистическимъ» (239—240, I). Если это безспорно, то зачѣмъ же такъ шумитъ г. Булгаковъ и шумѣлъ (въ «Началѣ») противъ Каутскаго, который

начинаетъ свою главу о крупномъ и мелкомъ производствѣ (въ «Аграрномъ вопросѣ») заявленіемъ: «Чѣмъ болѣе капиталистическимъ становится сельское хозяйство, тѣмъ болѣе развиваетъ оно качественное различіе въ техникѣ между крупнымъ и мелкимъ производствомъ?»

Но не только періодъ процвѣтанія земледѣлія въ Англіи, но и періодъ кризиса приводитъ къ неблагопріятнымъ для мелкаго хозяйства выводамъ. Отчеты коммиссіи за послѣдніе годы «съ удивительной настойчивостью утверждаютъ, что наиболѣе тяжело кризисъ легъ именно на мелкихъ хозяевъ» (I, 311). «Дома ихъ— говоритъ одинъ отчетъ про мелкихъ собственниковъ - хуже среднихъ коттэджей рабочихъ... Работа всѣхъ ихъ удивительно тяжела и значительно продолжительнѣе, чѣмъ рабочихъ; причемъ, многіе изъ нихъ говорятъ, что они не находятся въ столь выгодномъ матеріальномъ положеніи, какъ послѣдніе, что они живутъ не такъ хорошо и рѣдко ѣдятъ свѣжее мясо»... Йомены, обремененные ипотеками, погибли первыми (I, 316)... «Они экономятъ во всемъ такъ, какъ это дѣлаютъ лишь немногіе рабочіе»... «Мелкіе фермеры еще справляются до тѣхъ поръ, пока пользуются неоплаченнымъ трудомъ членовъ семьи»... «Что жизнь мелкаго фермера безконечно тяжелѣе, чѣмъ работника,—едва ли нужно добавлять» (I, 321). Мы привели эти выписки, чтобъ читатель могъ судить о правильности слѣдующаго вывода г. Булгакова: «Жестокое разореніе хозяйствъ, сохранившихся до эпохи аграрнаго кризиса, говоритъ только (!!) о томъ, что мелкіе производители въ подобныхъ случаяхъ погибаютъ скорѣе, чѣмъ крупные,—не болѣе (sic!!). Сдѣлать отсюда какое либо общее заключеніе объ ихъ общей экономической жизнеспособности совершенно невозможно, ибо въ эту эпоху оказалось несостоятельнымъ все англійское земледѣліе» (I, 333). Неправда ли, хорошо? И г. Булгаковъ въ главѣ объ общихъ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства даже обобщаетъ этотъ замѣчательный способъ разсужденія: «Внезапное паденіе цѣны тяжело отзывается на всѣ формы (всѣхъ формахъ?) производства, но крестьянское, какъ наиболѣе слабое капиталомъ, естественно, менѣе устойчиво, чѣмъ крупное (что нимало не затрагиваетъ вопросъ объ его общей жизнеспособности)» (II, 247). Итакъ, въ капиталистическомъ обществѣ слабыя капиталомъ хозяйства менѣе устойчивы, но это не затрагиваетъ ихъ «общей» жизнеспособности!

Не лучше обстоитъ дѣло въ отношеніи послѣдовательности разсужденій и у Герца. Онъ «опровергаетъ» (охарактеризованными выше пріемами) Каутскаго, но когда рѣчь заходитъ объ

Америкѣ, онъ признаетъ преимущество ея болѣе крупныхъ хозяйствъ, допускающихъ «въ гораздо большей степени примѣненіе машинъ, чего не допускаетъ наше парцельное хозяйство» (S. 36, р. п. 93); онъ признаетъ, что «европейскій крестьянинъ хозяйничаетъ часто, придерживаясь устарѣлыхъ, рутинныхъ способовъ производства, надрываясь (robotend) надъ кускомъ хлѣба, какъ рабочій, не стремясь къ лучшему» (тамъ же). Герцъ признаетъ и вообще, что «мелкое производство примѣняетъ сравнительно больше труда, чѣмъ крупное» (S. 74 р. п. 175); онъ могъ бы съ успѣхомъ подѣлиться съ г. Булгаковымъ данными о повышеніи урожаевъ, вслѣдствіе введенія парового плуга (S. 67/68 р. п. 162/63) и т. п.

Естественнымъ спутникомъ неустойчивости теоретическихъ воззрѣній нашихъ критиковъ на значеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ является безпомощное повтореніе ими чисто реакціонныхъ выводовъ аграріевъ, настроенныхъ противъ машинъ. Герцъ еще очень нерѣшителенъ, правда, въ этомъ щекотливомъ пунктѣ; говоря о «затрудненіяхъ», которыя ставитъ сельское хозяйство введенію машинъ, онъ замѣчаетъ: «Высказывается мнѣніе, что зимой остается столько свободнаго времени, что ручная молотьба бываетъ выгоднѣе (S. 65, р. пер. 156/57). Герцъ склоненъ, видимо, заключить отсюда, со свойственной ему логичностью, что этотъ фактъ говоритъ не противъ мелкаго производства, не противъ капиталистическихъ препятствій введенію машинъ, а противъ машинъ! Зато г. Булгаковъ недаромъ выговариваетъ Герцу, что онъ «слишкомъ связанъ мнѣніями своей партіи» (II, 287). Россійскій профессоръ, конечно, выше такихъ унизительныхъ «связей» и гордо заявляетъ: «Я достаточно свободенъ отъ столь распространеннаго, особенно въ марксистской литературѣ, предразсудка, согласно которому нужно видѣть прогрессъ во всякой машинѣ» (I, 48). Къ сожалѣнію, полету мысли въ этомъ великолѣпномъ разсужденіи совершенно не соотвѣтствуютъ конкретные выводы. «Паровая молотилка, — пишетъ г. Булгаковъ, — лишивъ многихъ и многихъ рабочихъ зимнихъ занятій, была, несомнѣнно, значительнымъ зломъ для рабочихъ, которое не окупалось техническими выгодами*). На это указываетъ, м. пр. Гольцъ, который выставляетъ даже утопическое пожела-

*) Ср. т. I, стр. 51: ...„паровая молотилка... выполняетъ главную работу и безъ того бѣднаго работами зимняго періода (полезность этой машины для всего (sic!!) сельскаго хозяйства поэтому болѣе, чѣмъ сомнительно; мы еще встрѣтимся съ этимъ фактомъ)“.

ніе» (II, 103), именно пожеланіе *ограничить* употребленіе молотилки, особенно паровой, «для улучшенія положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ — добавляетъ Гольцъ — а также для уменьшенія эмиграціи и миграціи» (подъ миграціей, вѣроятно, Гольцъ имѣетъ въ виду, добавимъ отъ себя, переселеніе въ города).

Напомнимъ читателю, что именно эту идею Гольца отмѣтилъ въ своемъ «Аграрномъ вопросѣ» и Каутскій. Небезынтересно, поэтому, сравнить отношеніе къ конкретному вопросу экономіи (значеніе машинъ) и политики (не ограничить-ли?) узкаго ортодокса, погрязающаго въ марксистскихъ предразсудкахъ, и современнаго критика, прекрасно воспринявшаго весь духъ «критицизма».

Каутскій говоритъ (Agrarfrage, S. 41), что Гольцъ приписываетъ молотилкѣ особенно «вредное вліяніе»: она отнимаетъ у сельскихъ рабочихъ ихъ главное зимнее занятіе, гонитъ ихъ въ города, усиливаетъ обезлюденіе деревни. И Гольцъ предлагаетъ ограничить употребленіе молотилки, предлагаетъ—добавляетъ Каутскій—«повидимому въ интересахъ сельскихъ рабочихъ, а на самомъ дѣлѣ въ интересахъ помѣщиковъ, для которыхъ—какъ говоритъ самъ Гольцъ—проистекающій отъ такого ограниченія убытокъ будетъ съ избыткомъ возмѣщенъ—если и не тотчасъ, то въ будущемъ —увеличеніемъ числа рабочихъ силъ на лѣтнее время». «Къ счастью,—продолжаетъ Каутскій,—это консервативное дружелюбіе по отношенію къ рабочимъ есть не что иное, какъ реакціонная утопія. Молотилка слишкомъ выгодна «тотчасъ», чтобъ помѣщики могли отказаться отъ ея употребленія ради прибыли «въ будущемъ». И потому молотилка будетъ продолжать свою революціонную работу: она будетъ гнать сельскихъ рабочихъ въ города, она станетъ вслѣдствіе этого могучимъ орудіемъ, съ одной стороны, повышенія заработныхъ платъ въ деревнѣ, съ другой стороны, дальнѣйшаго развитія сельско-хозяйственнаго машиностроенія».

Отношеніе г. Булгакова къ такой постановкѣ вопроса соціаль-демократомъ и аграріемъ въ высшей степени характерно: это маленькій образчикъ той позиціи, которую заняла, вообще, вся современная «критика» между партіей пролетаріата и партіей буржуазіи. Критикъ, разумѣется, не такъ узокъ и не такъ шаблоненъ, чтобъ стать на точку зрѣнія классовой борьбы и революціонизованія всѣхъ общественныхъ отношеній капитализмомъ. Но, съ другой стороны, хотя нашъ критикъ и «поумнѣлъ», все же воспоминанія о томъ времени, когда онъ былъ «молодъ и глупъ» и раздѣлялъ предразсудки марксизма,— не позволяютъ ему

цѣликомъ принять програму его новаго товарища, аграрія, совершенно резонно и послѣдовательно заключающаго отъ вреда машины «для *всего* сельскаго хозяйства», къ пожеланію: запретить! И нашъ добрый критикъ оказывается въ положеніи буриданова осла между двумя вязанками сѣна: съ одной стороны, онъ утратилъ уже всякое пониманіе классовой борьбы и способенъ теперь говорить о вредѣ машинъ для «*всего* сельскаго хозяйства», забывая, что *всѣмъ* современнымъ сельскимъ хозяйствомъ руководятъ на первомъ планѣ предприниматели, думающіе только о своей прибыли,—онъ настолько забылъ тѣ «годы юности», когда онъ былъ марксистомъ, что ставитъ уже нелѣпѣйшій вопросъ: «окупаютъ» ли техническія выгоды машины ея вредное дѣйствіе на рабочихъ (и это вредное дѣйствіе оказываетъ не одна паровая молотилка, а ихъ паровой плугъ и косилка и зерноочистительная машина и пр.), онъ не замѣчаетъ даже, что аграрій хочетъ, въ сущности, только болѣе глубокаго порабощенія рабочаго зимой и лѣтомъ. Но, съ другой стороны, онъ смутно вспоминаетъ тотъ устарѣлый «догматическій» предразсудокъ, что запрещеніе машинъ есть утопія. Бѣдный г. Булгаковъ, выпутается-ли онъ изъ этого непріятнаго положенія?

Интересно отмѣтить, что наши критики, стараясь всячески ослабить значеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ, выставляя даже «законъ убывающаго плодородія почвы», забыли (или умышленно не пожелали) упомянуть о томъ новомъ техническомъ переворотѣ земледѣлія, который подготовляетъ электротехника. Напротивъ, Каутскій,—который, по болѣе чѣмъ несправедливому сужденію г. П. Маслова,—сдѣлалъ существенную ошибку, совершенно не опредѣливши, въ какомъ направленіи идетъ развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи» («Жизнь», 1901 № 3 стр. 171), —Каутскій указалъ на значеніе электричества въ земледѣліи еще въ 1899 году (Agrarfrage). Въ настоящее время признаки грядущаго техническаго переворота намѣчаются уже яснѣе. Дѣлаются попытки освѣтить теоретически значеніе электротехники въ земледѣліи (см. D-r Otto Pringsheim: «Landwirthschaftliche Manufaktur und elektrische Landwirthschaft», Brauns Archiv, XV, 1900, S. 406—418, и статью К. Каутскаго въ Neue Zeit XIX, 1, 1900—1901, № 18, Die Elektrizität in der Landwirthschaft), раздаются голоса практиковъ-помѣщиковъ, описывающихъ свои опыты по примѣненію электричества (Принсгеймъ цитируетъ книжку Адольфа Зейффергельда, разсказывающаго объ опытѣ въ своемъ хозяйствѣ), видящихъ въ электричествѣ средство сдѣлать снова земледѣліе доходнымъ, призывающихъ правительство и помѣщи-

ковъ къ устройству центральныхъ силовыхъ станцій и массовому производству электрической силы для сельскихъ хозяевъ (въ Кенигсбергѣ вышла въ прошломъ году книга помѣщика изъ восточной Пруссіи, П. Мака—P. Mack «Der Aufschwung unseres Landwirthschaftsbetriebes durch Verbilligung der Productionskosten. Eine Untersuchung über den Dienst, den Maschinentechnik und Elektrizität der Landwirthschaft bieten»).

Прингсгеймъ дѣлаетъ очень вѣрное, на нашъ взглядъ, замѣчаніе, что современное земледѣліе—по общему уровню его техники, да пожалуй и экономики—ближе подходитъ къ той стадіи развитія промышленности, которую Марксъ назвалъ «мануфактурой». Преобладаніе ручного труда и простой коопераціи, спорадическое примѣненіе машинъ, мелкіе, сравнительно, размѣры производства (если считать, напр., по суммѣ ежегодно продаваемыхъ однимъ предпріятіемъ продуктовъ), сравнительно мелкіе, въ большинствѣ случаевъ, размѣры рынка; связь крупнаго производства съ мелкимъ (причемъ послѣднее, подобно кустарямъ въ ихъ отношеніи къ крупному хозяину мануфактуры, доставляетъ рабочую силу первому,—или первое скупаетъ «полуфабрикатъ» у второго; напр., крупные хозяева скупаютъ свеклу, скотъ и т. п. у мелкихъ),—всѣ эти признаки, дѣйствительно, говорятъ за то, что земледѣліе еще не достигло ступени настоящей «крупной машинной индустріи въ смыслѣ Маркса. Въ земледѣліи еще нѣтъ «системы машинъ», связанныхъ въ одинъ производительный механизмъ.

Не надо, конечно, утрировать этого сравненія: съ одной стороны есть особенности земледѣлія, которыя абсолютно неустранимы (если оставить въ сторонѣ слишкомъ отдаленную и слишкомъ проблематическую возможность лабораторнаго приготовленія бѣлка и пищи). Вслѣдствіе этихъ особенностей крупная машинная индустрія въ земледѣліи никогда не будетъ отличаться *всѣми* тѣми чертами, которыя она имѣетъ въ промышленности. Съ другой стороны, и въ мануфактурѣ крупное производство въ промышленности достигло уже преобладанія и значительнаго техническаго превосходства надъ мелкимъ. Это превосходство мелкій промышленникъ пытался долгое время парализовать тѣмъ удлиненіемъ рабочаго дня и сокращеніемъ потребностей, которое такъ характерно и для кустаря и для современнаго мелкаго крестьянина. Преобладаніе ручного труда въ мануфактурѣ давало еще нѣкоторую возможность мелкому производству держаться посредствомъ подобныхъ «героическихъ» средствъ, но тѣ люди, которые обольщались этимъ и говорили о жизнеспособности кустаря (подобно тому, какъ нынѣшніе критики говорятъ о жизнеспособности кресть-

янина), оказывались очень быстро опровергнутыми той «временной тенденціей», которая парализуетъ «универсальный законъ» техническаго застоя. Напомнимъ, для примѣра, русскихъ изслѣдователей кустарнаго ткачества въ Московской губерніи въ 70-хъ годахъ. По отношенію къ хлопчатобумажному ткачеству—говорили они—дѣло ручного ткача проиграно: машина взяла верхъ, но, вотъ, зато въ области шелковаго ткачества кустари еще могутъ продержаться, машины еще далеко не такъ усовершенствованы. Прошло два десятилѣтія—и техника отняла у мелкаго производства еще одно изъ его послѣднихъ убѣжищъ, какъ бы говоря,—тѣмъ, кто имѣетъ уши, чтобы слушать, и глаза, чтобы видѣть,—что экономистъ всегда долженъ смотрѣть впередъ, въ сторону прогресса техники, иначе онъ немедленно окажется отставшимъ, ибо кто не хочетъ смотрѣть впередъ, тотъ поворачивается къ исторіи задомъ: середины тутъ нѣтъ и быть не можетъ.

«Писатели, которые, подобно Герцу, трактовали о конкурренціи мелкаго и крупнаго производства въ земледѣліи, игнорируя при этомъ роль электротехники, должны будутъ сызнова начать свое изслѣдованіе»—мѣтко замѣтилъ Прингсгеймъ, и его замѣчаніе съ еще большей силой падаетъ на двухтомный трудъ г. Булгакова.

Электрическая энергія дешевле паровой силы; она отличается большей дѣлимостью, ее гораздо легче передавать на очень большія разстоянія; ходъ машинъ при этомъ правильнѣе и спокойнѣе,—она гораздо удобнѣе поэтому примѣняется и къ молотьбѣ, и къ паханью, и къ доенью, и къ рѣзкѣ корма скоту*) и проч. Каутскій описываетъ одну изъ венгерскихъ латифундій**), въ которой электрическая энергія проведена съ центральной станціи по всѣмъ направленіямъ въ отдаленныя части имѣнія, служа для приведенія въ дѣйствіе сельско-хозяйственныхъ машинъ, для рѣзки свеклы, для подъема воды, для освѣщенія и пр. и пр. Для доставки 300 гектолитровъ воды ежедневно изъ колодца, глубиной въ 29 метровъ, въ резервуаръ, высотой въ 10 метровъ, и для приготовленія корма для 240 коровъ, 200 телятъ и 60 рабочихъ воловъ и лошадей, т. е., для рѣзки, рубки свеклы и т. п. требовалось зимой двѣ пары лошадей, лѣтомъ—одна пара, что стоило 1500 гульденовъ. Вмѣсто лошадей работаетъ теперь 2-хъ и 3-хъ сильный моторъ, работа которыхъ обходится, считая покрытіе

---

*) Къ свѣдѣнію смѣлаго г. Булгакова, который смѣло и неосновательно говоритъ о „такихъ отрасляхъ сельско-хозяйственнаго производства, которыя совсѣмъ недоступны машинамъ, напр. „скотоводство" (I,49).

**) Еще разъ къ свѣдѣнію г. Булгакова, толкующаго о „латифундіарномъ вырожденіи крупнаго хозяйства"!.

всѣхъ расходовъ, въ 700 гульденовъ, т. е., на 800 гульденовъ меньше. (Kautsky, 1 с.). Макъ разсчитываетъ стоимость коннаго рабочаго дня въ три марки, а при замѣнѣ его электричествомъ та же работа обходится въ 40—75 пфенниговъ, т. е., на 400—700% дешевле. Если бы лѣтъ черезъ 50 или больше—говоритъ онъ—1³/₄ милліона лошадей въ германскомъ земледѣліи были замѣнены электрической силой (въ 1895 году въ германскомъ земледѣліи употреблялось для полевыхъ работъ 2,6 милліона лошадей+1,0 милліона воловъ+2 3 милліона коровъ, въ томъ числѣ у хозяйствъ выше 20 ha 1,4 милліона лошадей и 0,4 мил. воловъ),—то это уменьшило бы расходы съ 1003 милліоновъ марокъ до 261 милліона, т. е. на 742 милліона марокъ. Громадная площадь, дающая кормъ для скота могла бы быть обращена на производство пищи людямъ, на улучшеніе питанія рабочихъ, которыхъ г. Булгаковъ такъ пугаетъ «сокращеніемъ даровъ природы», «хлѣбнымъ вопросомъ» и т. п. Макъ настойчиво рекомендуетъ соединеніе земледѣлія съ промышленностью для постояннаго эксплуатированія электрической энергіи; рекомендуетъ прорытіе мазурскаго канала который могъ бы питать электрической силой 5 центральныхъ станцій, раздающихъ энергію на 20—25 километровъ вокругъ сельскимъ хозяевамъ; рекомендуетъ утилизацію торфа для той же цѣли; требуетъ объединенія сельскихъ хозяевъ: «только въ товарищескомъ объединеніи съ индустріей и крупнымъ капиталомъ возможно сдѣлать снова прибыльной нашу отрасль промышленности» (Mack, S. 48). Разумѣется, примѣненіе новыхъ способовъ производства встрѣтитъ массу затрудненій и пойдетъ не гладкимъ, а зигзагообразнымъ путемъ, но что оно пойдетъ, что революціонизованіе земледѣлія неизбѣжно — въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться. «Замѣна большей части упряжекъ электромоторами означаетъ,—справедливо говоритъ Прингсгеймъ—возможность системы машинъ въ земледѣліи... Чего не могла сдѣлать сила пара, того навѣрное достигнетъ электротехника, а именно: превращенія сельскаго хозяйства изъ старой мануфактуры въ современное крупное производство (I с., р. 414).

Мы не будемъ распространяться о томъ, какую гигантскую побѣду крупнаго производства будетъ означать (отчасти означаетъ уже) введеніе электротехники въ земледѣліе,—это обстоятельство слишкомъ очевидно, чтобъ на немъ настаивать. Посмотримъ лучше, въ какихъ современныхъ хозяйствахъ имѣются на лицо зародыши этой «системы машинъ», которую пуститъ въ ходъ центральная силовая станція. Вѣдь, для системы машинъ нужно сначала употребленіе различныхъ машинъ на опытѣ, нужны примѣры совмѣстнаго употребленія многихъ машинъ. Отвѣтъ на

этотъ вопросъ даютъ свѣдѣнія германской переписи земледѣльческихъ хозяйствъ 14 іюня 1895 года. Мы имѣемъ данныя о числѣ хозяйствъ каждой группы, употреблявшихъ свои или чужія машины (г. Булгаковъ ошибается, приведя на 114 стр. второго тома часть этихъ данныхъ и думая, что они относятся къ числу *машинъ*. Кстати: свѣдѣнія о числѣ хозяйствъ, употреблявшихъ мащины свои или чужія, представляютъ, разумѣется, превосходство крупнаго производства болѣе слабымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Крупные хозяева чаще имѣютъ собственныя машины, чѣмъ мелкіе, переплачивающіе за пользованіе ими). Данныя эти относятся къ употребленію или машинъ вообще, или каждаго рода машинъ въ отдѣльности, такъ что мы не можемъ опредѣлить *по скольку* машинъ употребляли хозяйства разныхъ группъ. Но если мы сложимъ для каждой группы число всѣхъ хозяйствъ, употреблявшихъ каждый отдѣльный родъ машинъ, то получимъ *число случаевъ употребленія* всякихъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Приводимъ обработанныя, такимъ образомъ, данныя, показывающія, какъ подготовляется «система машинъ» въ земледѣліи:

Размѣры хозяйствъ.	На сто хозяйствъ приходится:	
	Хозяйствъ, употреблявшихъ с.-х. машины вообще (1895).	Случаевъ употребленія той или другой с.-х. машины (1895).
До 2 ћа	2,03	2,30
2— 5 »	13,81	15,46
5— 20 »	45,80	56,04
20—100 »	78,79	128,46
100 и б. »	94,16	352,34
Всего	16,36	22,36

Итакъ, въ мелкихъ хозяйствахъ до 5 гектаровъ (такихъ хозяйствъ болѣе трехъ четвертей всего числа, 4,1 милл. изъ 5,5 милл., т. е. 75,5%; но у нихъ только 5 милл. гектаровъ земли изъ 32½ милл., т. е., 15,6%)—число *случаевъ* употребленія какихъ бы то ни было сельско-хозяйственныхъ машинъ (мы сосчитали вмѣстѣ и машины для молочнаго хозяйства) совершенно ничтожно. Въ среднихъ хозяйствахъ (15—20 ћа) меньше половины хозяйствъ

употребляютъ вообще машины, и на 100 хозяйствъ приходится только 56 случаевъ употребленія сельско-хозяйственныхъ машинъ. Только въ крупномъ капиталистическомъ производствѣ *) мы видимъ, что *большинство* хозяйствъ ($^3/_4$—$^9/_{10}$) употребляютъ машины, и *начинаетъ складываться система машинъ:* на каждое хозяйство приходится болѣе одного случая употребленія машинъ. Употребляется, слѣдовательно, по нѣскольку машинъ въ одномъ хозяйствѣ; напр. хозяйства выше 100 ha употребляли каждое *около 4-хъ машинъ* (352% на 94% употреблявшихъ вообще). Изъ 572 латифундій (хозяйствъ съ 1000 и болѣ ha) 555 употребляли машины, и число случаевъ употребленія машинъ равняется 2800, т. е., каждое хозяйство употребляло *по пяти машинъ.* Понятно отсюда, какія хозяйства подготовляютъ «электрическую» революцію и какія больше всего ею воспользуются.

IV.

Отъ Герца перейдемъ къ Чернову. Такъ какъ послѣдній только «бесѣдуетъ» по поводу перваго, то мы ограничимся здѣсь краткой характеристикой пріемовъ разсужденія Герца (и пріемовъ перефразировки его г. Черновымъ), чтобы перейти (въ слѣдующемъ очеркѣ) къ разбору нѣкоторыхъ новыхъ, выдвигаемыхъ «критиками», фактическихъ данныхъ.

Что представляетъ изъ себя Герцъ въ качествѣ теоретика, это достаточно показать на *одномъ* примѣрѣ. Въ самомъ началѣ его книги мы встрѣчаемъ параграфъ, носящій претенціозное заглавіе: «Понятіе національнаго капитализма». Герцъ хочетъ не больше и не меньше, какъ дать опредѣленіе капитализму. «Мы можемъ, конечно,—пишетъ онъ, охарактеризовать его, какъ такую народно-хозяйственную систему, которая *юридически* основывается на вполнѣ проведенныхъ принципахъ свободы личности и собственности, *технически*—на производствѣ въ широкихъ» (крупныхъ?) «размѣрахъ*), *соціально*—на отдѣленіи средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей, *политически*—на обладаніе капиталистами центральной политической властью» (концентрированной политической силой государства?) «въ силу одного экономическаго основанія распредѣленія соб-

---

*) Выше 20 ha только 0,3 милл. хозяйствъ изъ 5,5 милл., т. е, только 5,5% всего числа, но у нихъ 17,7 милл. гектаровъ земли изъ 32,5, т. е., 54,4% всей сельско-хозяйственной площади.

*) Г. В Черновъ переводитъ (Р. Б. № 4, 132): „на производствѣ, достигшемъ высокой степени развитія“. Это онъ ухитрился „понять“ такимъ образомъ нѣмецкое выраженіе: „auf grosser Stufenleiter“!!

ственности». (Р. пер., с. 37). «Эти опредѣленія неполны, требуютъ ограниченій,—говоритъ Герцъ,—напр., домашняя работа и мелкая аренда держатся еще вездѣ на ряду съ крупнымъ производствомъ. Не вполнѣ подходящимъ является также *реальное* (sic!) опредѣленіе капитализма, какъ системы, при которой производство находится подъ контролемъ (господствомъ и контролемъ) капиталистовъ (капиталовладѣльцевъ). Неправда-ли, какъ великолѣпно это «реальное» опредѣленіе капитала, какъ господства капиталистовъ? И какъ характерна эта, столь модная въ настоящее время, quasi-реалистическая, а на самомъ дѣлѣ эклектическая погоня за полнымъ перечнемъ всѣхъ отдѣльныхъ признаковъ и отдѣльныхъ «факторовъ». Въ результатѣ, конечно, эта безсмысленная попытка внести въ общее понятіе всѣ частные признаки единичныхъ явленій, или, наоборотъ, «избѣгнуть столкновенія съ крайнимъ разнообразіемъ явленій»—попытка, свидѣтельствующая просто объ элементарномъ непониманіи того, что такое наука,— приводитъ «теоретика» къ тому, что за деревьями онъ не видитъ лѣса. Герцъ, напр., забылъ о такой мелочи, какъ товарное производство и превращеніе рабочей силы въ товаръ! Зато онъ сочинилъ слѣдующее *генетическое* опредѣленіе, которое—въ наказаніе сочинителю—слѣдуетъ привести цѣликомъ: капитализмъ —«такое состояніе народнаго хозяйства, въ которомъ осуществленіе принциповъ свободнаго оборота, свободы личности и собственности достигло высшаго (относительно) пункта, опредѣляемаго экономическимъ развитіемъ и эмпирическими условіями каждаго отдѣльнаго народнаго хозяйства» (S. 10. р. пер. 38/39 не вполнѣ точенъ). Г. В. Черновъ, разумѣется, съ восторженнымъ благоговѣніемъ переписываетъ и расписываетъ эти мыльные пузыри, угощая кромѣ того читателей «Русскаго Богатства» на протяженіи цѣлыхъ тридцати страницъ «анализомъ» типовъ національнаго капитализма. Изъ этого высоко-поучительнаго анализа можно извлечь цѣлый рядъ чрезвычайно цѣнныхъ и нисколько не шаблонныхъ указаній,—напр., указаніе на «независимый, гордый и энергическій характеръ британца», на «солидность» англійской буржуазіи и «несимпатичность» ея нынѣшней политики,—на «страстный увлекающійся темпераментъ романской расы» и на «нѣмецкую аккуратность» (стр. 162 въ № 4 «Р. Б.»). «Догматическій» марксизмъ, разумѣется, окончательно уничтоженъ этимъ анализомъ.

Не менѣе сокрушителенъ произведенный Герцомъ анализъ данныхъ объ ипотекахъ. По крайней мѣрѣ, г. Черновъ въ восторгѣ отъ него. «Фактъ тотъ,—пишетъ онъ,—что... данныя Герца еще никѣмъ не опровергнуты. Каутскій въ своемъ отвѣтѣ на книгу

Герца, распространяясь чрезвычайно много по поводу нѣкоторыхъ частностей, (вродѣ доказательства *передержекъ* Герца! Хороши «частности»!) на аргументацію Герца въ вопросѣ объ ипотекахъ *не отвѣчаетъ ни единымъ словомъ»* («Р. Б.» № 10, стр. 217, курсивъ г. Чернова). Какъ видно изъ ссылки на стр. 238 той же книжки «Р. Б.», г. Черновъ знакомъ съ отвѣтной статьей Каутскаго («Zwei kritiker meiner Agrarfrage» въ «Neue Zeit» 18, 1; 1899/1900); г. Черновъ не могъ не знать также, что журналъ, въ которомъ эта статья помѣщена, запрещенъ въ Россіи цензурой. Тѣмъ знаменательнѣе для характеристики всего облика современной «критики» тотъ фактъ, что подчеркнутыя самымъ г. Черновымъ слова заключаютъ въ себѣ *прямую неправду*, ибо Каутскій *отвѣтилъ* по вопросу объ ипотекахъ «Герцу, Давиду, Бернштейну, Шиппелю, Булгакову e tutti quanti»*) на стран. 472—477 *той самой статьи, которую г. Черновъ указываетъ.* Скучная эта обязанность—возстановлять извращенную истину,—но, разъ имѣешь дѣло съ гг. Черновыми,—отъ этой обязанности никакъ не уклониться.

Каутскій отвѣтилъ Герцу, разумѣется, насмѣшкой, ибо Герцъ и въ этомъ вопросѣ обнаружилъ свое неумѣніе или свое нежеланіе понять, что къ чему, и склонность повторять избитые доводы буржуазныхъ экономистовъ. Въ «Agrarfrage» Каутскаго рѣчь шла (S. 88—89) о концентраціи ипотекъ. «Многочисленные мелкіе деревенскіе ростовщики—писалъ Каутскій—все болѣе и болѣе оттѣсняются на второй планъ, уступая мѣсто крупнымъ централизованнымъ капиталистическимъ или общественнымъ учрежденіямъ, монополизующимъ ипотечный кредитъ». Каутскій перечисляетъ нѣкоторыя капиталистическія и общественныя учрежденія этого рода, говоритъ объ обществахъ взаимнаго поземельнаго кредита (genossenschaftliche Bodenkreditinstitute), указываетъ на то, что и *сберегательныя кассы*, и страховыя общества, и многія корпораціи (S. 89) вкладываютъ свои фонды въ ипотеки и т. п. Напр., въ Пруссіи 17 обществъ взаимнаго кредита выпустило къ 1887 г. на 1650 мил. марокъ закладныхъ листовъ. «Эти цифры указываютъ уже на громадную концентрацію поземельной ренты *въ немногихъ центральныхъ учрежденіяхъ* (курсивъ нашъ), но концентрація быстро растетъ. Въ 1875 г. нѣмецкіе ипотечные банки выпустили закладныхъ листовъ на 900 мил. и, въ 1888 г. на $2^1/_2$ милліарда; въ 1895 г. эта сумма составляла уже 3400 милліоновъ, сконцентрированныхъ въ 31 (въ 1875 г. въ 27) банкѣ» (S. 89). Эта концентрація по-

---

*) Выраженіе Каутскаго: стран. 472 „N. Z“.

земельной ренты указываетъ ясно на концентрацію *поземельной собственности.*

«Нѣтъ—отвѣчаютъ Герцъ, Булгаковъ, Черновъ и Ко.,—мы встрѣчаемъ самую рѣшительную тенденцію къ децентрализаціи, къ раздробленію собственности» («Р. Б.» № 10, 216), ибо болѣе четверти ипотечнаго кредита сосредоточено въ рукахъ демократическихъ (sic!) кредитныхъ учрежденій съ массою мелкихъ вкладчиковъ» (тамъ же). Герцъ съ необычайнымъ усердіемъ, приводя рядъ таблицъ, доказываетъ, что *мелкіе вкладчики* составляютъ массу вкладчиковъ въ сбер. кассы и т. п. Спрашивается только: къ чему все это? Вѣдь на общества взаимнаго кредита и сберегательныя кассы указалъ самъ Каутскій (не воображая, конечно, какъ воображаетъ г. Черновъ, что это особо «демократическія» учрежденія). Каутскій говоритъ о централизаціи ренты въ немногихъ центральныхъ учрежденіяхъ,—а ему указываютъ на массу мелкихъ вкладчиковъ въ сбер. кассы!! И называютъ это «раздробленіемъ собственности»! Да какое же отношеніе къ сельскому хозяйству (рѣчь идетъ о концентраціи ренты) имѣетъ число вкладчиковъ въ гипотечный банкъ? Развѣ крупная фабрика перестаетъ означать централизацію производства на томъ основаніи, что акціи ея распредѣлены среди массы мелкихъ капиталистовъ? «До тѣхъ поръ, пока Герцъ и Давидъ не освѣдомили меня,—писалъ Каутскій въ отвѣтъ Герцу,—я и понятія не имѣлъ о томъ, откуда берутъ сберегательныя кассы свои деньги. Я думалъ, что онѣ орудуютъ съ сбереженіями Ротшильдовъ и Вандербильтовъ».

По поводу передачи гипотекъ въ собственность государства Герцъ говоритъ: «Это было бы очень плохое средство борьбы противъ крупнаго капитала и, конечно, прекрасное средство, чтобы возстановить противъ виновниковъ такой реформы громадную, все увеличивающуюся армію мелкихъ собственниковъ, и въ ихъ числѣ особенно сельскихъ батраковъ» (S. 29, р. п. 78. Г. Черновъ повторяетъ это съ удовольствіемъ на стр. 217/18 «Р. Б.»).

Такъ вотъ кто эти «собственники». объ увеличеніи числа которыхъ кричатъ Бернштейнъ и Ко.,—отвѣчаетъ Каутскій.—Это служанки съ 20 марками въ сберегательной кассѣ! И такъ старъ и избитъ этотъ доводъ противъ соціалистовъ, что «экспропріаціей» своей они ограбятъ громадную армію трудящихся. Никто иной, какъ Евгеній Рихтеръ съ особеннымъ усердіемъ выдвигалъ этотъ доводъ въ своей брошюрѣ, которую онъ выпустилъ послѣ отмѣны исключительнаго закона противъ соціалистовъ (и которую фабриканты скупали тысячами для даровой раздачи рабчимъ). Въ этой брошюрѣ Евгеній Рихтеръ выдвинулъ свою знаменитую «бережливую Агнесу», бѣдную швею, которая имѣла нѣсколько

десятковъ марокъ въ сберегательной кассѣ и которая была ограблена злыми соціалистами, захватившими государственную власть и превратившими банки въ государственную собственность. Вотъ изъ какого источника черпаютъ свои критическіе доводы Булгаковы*), Герцы и Черновы!

«Въ то время,—говоритъ Каутскій о «знаменитой» брошюрѣ Евг. Рихтера,—Евг. Рихтеръ былъ за это единодушно осмѣянъ всѣми социаль-демократами. А теперь находятся среди послѣднихъ люди, которые въ нашемъ центральномъ органѣ» (имѣются въ виду статьи, кажется, Давида въ «Vorwarts») «поютъ хвалебную пѣснь сочиненію, повторяющему тѣ же мысли: Герцъ, мы превозносимъ твои подвиги!»

«Для бѣднаго Евгенія на склонѣ его лѣтъ, это—настоящій тріумфъ, и я не могу не привести еще, къ его удовольствію, слѣдующаго мѣста, находящагося на той же страницѣ у Герца: «Мы видимъ, что мелкаго крестьянина, городского домовладѣльца и особенно крупнаго земледѣльца экспропріируютъ именно низшіе и средніе классы, и главный контингентъ ихъ поставляется, несомнѣнно, сельскимъ населеніемъ» (Герцъ, S. 29; Русск. пер. 77.—пересказано съ упоеніемъ въ Рус. Бог., № 10, стр. 216/217). «Теорія Давида объ «опорожненіи» (Aushöhlung) капитализма посредствомъ коллективныхъ договоровъ о заработной платѣ (Tarifgemeinschaften) и потребительныхъ обществъ, теперь превзойдена. Она блѣднѣетъ передъ Герцевской экспропріаціей экспропріаторовъ посредствомъ сберегательныхъ кассъ. Бережливая Агнеса, которую считали уже умершей, воскресаетъ къ новой жизни» (Kautsky I, c. S. 475)—и русскіе «критики» вмѣстѣ съ публицистами «Русскаго Богатства» спѣшатъ пересадить эту воскресшую «бережливую Агнесу» на русскую почву для посрамленія «ортодоксальной» соціальдемократіи.

И вотъ этотъ-то г. В. Черновъ, захлебывающійся отъ восторга по поводу повторяемыхъ Герцемъ доводовъ Евгенія Рихтера, «разноситъ» Каутскаго на всѣ корки на страницахъ «Русскаго Богатства» и сборника въ честь г. Н. Михайловскаго «На славномъ посту». Было бы несправедливостью, если бы мы не отмѣтили нѣкоторые перлы этого разноса. «Каутскій признаетъ, опять таки вслѣдъ за Марксомъ,—пишетъ г. Черновъ въ № 8 Р. Б. с. 229 —что прогрессъ капиталистическаго земледѣлія ведетъ къ обѣдненію почвы питательными веществами: въ видѣ различныхъ продуктовъ у земли постоянно нѣчто отнимается, направляется

*) Г. Булгаковъ выдвигалъ противъ Каутскаго тѣ же доводы на счетъ гипотекъ въ „Началѣ", а по нѣмецки и въ „Архивѣ" Брауна.

въ городъ и не возвращается обратно землѣ... Какъ видите, въ вопросѣ о законахъ плодородія почвы Каутскій безпомощно (sic!) повторяетъ слова Маркса, основывавшагося на теоріи Либиха. Но когда Марксъ писалъ свой первый томъ, Либиховскій «законъ возстановленія» былъ послѣднимъ словомъ агрономіи. Со времени этого открытія прошло уже болѣе полувѣка. Въ нашихъ знаніяхъ о законахъ плодородія почвы произошла цѣлая революція. И что же? Весь послѣ-либиховскій періодъ, всѣ послѣдующія открытія Пастера, Вилле, опыты Солари съ введеніемъ азота, открытія Бертелло, Гелльригеля, Вильфорта и Виноградскаго въ области бактеріологіи почвы — все это для для Каутскаго прошло безслѣдно»... Милый г. Черновъ! Какъ онъ удивительно похожъ на тургеневскаго Ворошилова: помните — въ «Дымѣ» — молодого русскаго приватъ-доцента, который совершалъ променадъ по загранице отличался вообще большой молчаливостью, но отъ времени до времени его прорывало и онъ началъ сыпать десятками и сотнями ученыхъ и ученѣйшихъ, рѣдкихъ и рѣдчайшихъ именъ? Точь въ точь нашъ ученый г. Черновъ, который совсѣмъ уничтожилъ этого невѣжественнаго Каутскаго. Только... только не справиться ли намъ все же съ книгой Каутскаго? Не заглянуть ли намъ хоть въ оглавленіе ея? Находимъ главу IV: «Современное сельское хозяйство», параграфъ d) «удобренія, *бактеріи*». Открываемъ параграфъ d) и читаемъ:

«Во второй половинѣ прошлаго десятилѣтія было сдѣлано открытіе, что стручковыя растенія въ отличіе отъ остальныхъ культурныхъ растеній получаютъ почти весь свой запасъ азота не изъ почвы, а изъ воздуха, что они дѣлаютъ почву не только не бѣднѣе азотомъ, а еще богаче. Но этимъ свойствомъ обладаютъ они лишь въ томъ случаѣ, если въ почвѣ имѣются извѣстные микроорганизмы, пристающіе къ ихъ корнямъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ микроорганизмовъ, — можно посредствомъ соотвѣтствующей прививки придать стручковымъ растеніямъ способность превращать бѣдную азотомъ почву въ богатую азотомъ и такимъ образомъ удобрять до извѣстной степени эту почву для другихъ культурныхъ растеній. Прививка бактерій стручковымъ растеніямъ даетъ, по общему правилу, возможность въ соединеніи съ соотвѣтствующими минеральными удобреніями (фосфорнокислыми солями и калійными удобреніями) получать съ земли постоянно самые высокіе урожаи и безъ навоза. Лишь благодаря этому открытію «свободное хозяйство» пріобрѣло вполнѣ прочный базисъ» (Kautsky, 51—52) Кто же обосновалъ научно это замѣчательное открытіе собирающихъ азотъ бактерій? — Геллригель...

Вина Каутскаго въ томъ, что онъ имѣетъ скверную привычку (которая наблюдается также у многихъ узкихъ ортодоксовъ)—не забывать никогда о томъ, что члены боевой соціалистической партіи должны и въ ученыхъ своихъ трудахъ не упускать изъ виду читателя-рабочаго, должны стараться писать *просто*, безъ тѣхъ ненужныхъ ухищреній слога, безъ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ «учености», которые такъ плѣняютъ декадентовъ и титулованныхъ представителей оффиціальной науки. Каутскій и здѣсь предпочелъ разсказать толково и ясно, въ чемъ состоятъ новѣйшія агрономическія открытія, и опустить ничего не говорящія для девяти десятыхъ публики ученыя имена. Ворошиловы поступаютъ наоборотъ: они предпочитаютъ высыпать цѣлый мѣшокъ ученыхъ именъ изъ области агрономіи, политической экономіи, критической философіи и т. п., загромождая ученымъ соромъ суть дѣла.

Напримѣръ, Ворошиловъ-Черновъ своимъ облыжнымъ обвиненіемъ Каутскаго въ незнаніи ученыхъ именъ и научныхъ открытій загромоздилъ и замялъ крайне интересный и поучительный эпизодъ модной критики, именно: аттаку буржуазной экономіи на соціалистическую идею объ уничтоженіи противоположности между городомъ и деревней. Профессоръ Луйо Брентано увѣряетъ, напримѣръ, что переселеніе изъ деревень въ города вызывается не данными соціальными условіями, а *естественной необходимостью*, закономъ убывающаго плодородія почвы*). Г.

*) См. статью Каутскаго въ „Neue Zeit" XIX, 2 1900/01, № 27: „Tolstoi und Brentano". Каутскій сопоставляетъ съ современнымъ научнымъ соціализмомъ ученіе Л. Толстого, остающагося глубокимъ наблюдателемъ и критикомъ буржуазнаго строя, несмотря на реакціонную наивность своей теоріи,—и буржуазную экономію, „звѣзда" которой, Брентано (какъ извѣстно, учитель гг. Струве, Булгакова, Герца и tutti quanti), обнаруживаетъ самую невѣроятную путаницу, смѣшивая явленія природы и явленія общественныя, смѣшивая понятія продуктивности и прибыльности, стоимости и цѣны и т. п. „Это не столь характерно для Брентано лично—справедливо говоритъ Каутскій—какъ для той *школы*, которой онъ принадлежитъ. *Историческая школа* буржуазной экономіи въ ея современномъ видѣ считаетъ стремленіе къ цѣлостному пониманію общественнаго механизма превзойденной ступенью (überwundener standpunkt). Экономическая наука должна, по этому воззрѣнію, не изслѣдовать соціальные законы и сводить ихъ въ цѣлую систему, а ограничиватьса протокольнымъ описаніемъ отдѣльныхъ соціальныхъ фактовъ прошлаго и настоящаго. Такъ она и привыкаетъ съ тому, чтобы касаться только поверхностной стороны явленій А когда тотъ или другой представитель этой школы поддастся тѣмъ не менѣе искушенію разсмотрѣть болѣе глубокія основанія явленія,—тогда онъ оказывается совершенно не въ состояніи оріентироваться и блуждаетъ безпомощно кругомъ да около. И въ нашей партіи съ нѣкотораго времени проявляется стремленіе замѣнить Марксову теорію не какой либо другой теоріей, а тѣмъ отсут-

Булгаковъ, вслѣдъ за своимъ учителемъ, объявилъ еще въ «Началѣ» (1899, мартъ, стр. 29) идею объ уничтоженіи противоположности между городомъ и деревней «совершенной фантазіей», которая «вызоветъ улыбку у агронома». Герцъ пишетъ въ своей книгѣ: «Уничтоженіе различія между городомъ и деревней является, правда, основнымъ стремленіемъ старыхъ утопистовъ (и даже Манифеста),—но намъ все же не вѣрится, чтобы общественный строй, заключающій въ себѣ всѣ условія для направленія человѣческой культуры къ высшимъ достижимымъ цѣлямъ, дѣйствительно уничтожилъ тѣ великіе центры энергіи и культуры, какими являются большія города, и въ угоду оскорбленному эстетическому чувству, отказался отъ этихъ обильныхъ сокровищницъ искусства и науки, безъ которыхъ невозможенъ прогрессъ» (S. 76. Русскій переводчикъ, стр. 182, ухитрился слово «potenzirt» перевести «потенціальный. Бѣда съ этими русскими переводами! На стр. 270 тотъ же переводчикъ переводитъ: «Wer isst zuletzt das schwein?»—«Кто же въ концѣ концовъ свинья?») Какъ видите, Герцъ защищаетъ буржуазный порядокъ отъ соціалистическихъ «фантазій» фразами, въ которыхъ не меньше «борьбы за идеализмъ», чѣмъ у гг. Струве и Бердяева! Но самая защита отъ этого напыщеннаго идеалистическаго фразерства нимало не выигрываетъ.

Что соціаль-демократы умѣютъ цѣнить историческую заслугу великихъ центровъ энергіи и культуры, это они доказываютъ своей непримиримой борьбой противъ всего, что прикрѣпляетъ къ мѣсту населеніе вообще, крестьянъ и сельскихъ рабочихъ въ частности. И поэтому ихъ, въ отличіе отъ критиковъ, не поймаетъ на удочку ни одинъ аграрій, стремящійся доставить «мужичку» зимніе «заработки». Но рѣшительное признаніе прогрессивности большихъ городовъ въ капиталистическомъ обществѣ нисколько не мѣшаетъ намъ включать въ свой идеалъ (и въ свою программу дѣйствія, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляемъ гг. Струве и Бердяевымъ) уничтоженіе противоположности между городомъ и деревней. Неправда, что это равносильно отказу отъ сокровищъ науки и искусства. Какъ разъ наоборотъ: это необходимо для того, чтобы сдѣлать эти сокровища *доступными всему народу*, чтобы уничтожить ту отчужденность отъ культу-

ствіемъ всякой теоріи (Theorielosigkeit), которое отличаетъ историческую школу,—стремленіе принизить теоретика до роли репортера. Кому нужно не простое безцѣльное перепрыгиваніе (Fortwurschteln) отъ случая къ случаю, а цѣлостное энергическое движеніе впередъ къ великой цѣли, тому да послужитъ обнаруженная нами Брентановская путаница предостереженіемъ отъ теперешнихъ методовъ исторической школы". S. 25.

ры милліоновъ деревенскаго населенія, которую Марксъ такъ мѣтко назвалъ «идіотизмомъ деревенской жизни». И въ настоящее время, когда возможна передача электрической энергіи черезъ разстояніе, когда техника транспорта повысилась настолько, что можно при меньшихъ (противъ теперешнихъ) издержкахъ перевозить пассажировъ съ быстротой 200 верстъ въ часъ*) —нѣтъ ровно никакихъ техническихъ препятствій тому, чтобы сокровищами науки и искусства, вѣками скопленными въ немногихъ центрахъ, пользовалось все населеніе, размѣщенное болѣе или менѣе равномѣрно по всей странѣ.

И если ничто не мѣшаетъ уничтоженію противоположности между городомъ и деревней (причемъ слѣдуетъ, конечно, представить себѣ это уничтоженіе не въ формѣ одного акта, а въ формѣ цѣлаго ряда мѣръ), то требуетъ его отнюдь не одно только «эстетическое чувство». Въ большихъ городахъ люди задыхаются, по выраженію Энгельса, въ своемъ собственномъ навозѣ, и періодически всѣ, которые могутъ, бѣгутъ изъ города въ поискахъ за свѣжимъ воздухомъ и чистой водой. Промышленность тоже разселяется по странѣ, ибо и ей нужна чистая вода. Эксплуатація водопадовъ, каналовъ и рѣкъ для полученія электрической энергіи дастъ новый толчокъ этому «разсѣянію промышленности». Наконецъ—last but not least – раціональная утилизація столь важныхъ для земледѣлія городскихъ нечистотъ вообще и человѣческихъ экскрементовъ въ частности тоже требуетъ уничтоженія противоположности между городомъ и деревней. И вотъ на этотъ то пунктъ теоріи Маркса и Энгельса вздумали поправить гг. критики свои агрономическія возраженія (отъ полнаго разбора теоріи, которая по этому вопросу особенно подробно изложена Энгельсомъ въ Anti Düring'ѣ, гг. критики предпочли воздержаться, ограничиваясь, какъ всегда, простой перефразировкой обрывковъ мысли какого нибудь Брентано). Ходъ ихъ разсужденія такой: Либихъ доказалъ необходимость отдавать почвѣ столько же, сколько у нея берется. Онъ считалъ по этому выбрасыванье городскихъ нечистотъ въ моря и рѣки безсмысленнымъ и варварскимъ расхищеніемъ веществъ, необходимыхъ для земледѣлія. Каутскій раздѣляетъ теорію Либиха. *Но* новѣйшая агрономія показала полную возможность возстановленія производительныхъ силъ земли безъ стойлового навоза посредствомъ искусственныхъ удобреній, прививки извѣстныхъ бактерій собирающимъ азотъ

---

*) Проектъ такой дороги между Манчестеромъ и Ливерпулемъ не получилъ утвержденія парламента только вслѣдствіе корыстнаго противодѣйствія желѣзнодорожныхъ тузовъ, боящихся разоренія старыхъ компаній.

стручковымъ растеніямъ и т. п. *Слѣдовательно*, Каутскій и всѣ эти «ортодоксы»—просто отсталые люди.

Слѣдовательно,—отвѣтимъ мы,—гг. критики и здѣсь совершаютъ одну изъ своихъ безчисленныхъ *передержекъ*. Изложивши теорію Либиха, Каутской *тотчасъ же* указалъ, что современная агрономія доказала полную возможность «обходиться совершенно безъ стойловаго навоза» (S. 50 «Agrarfrage»; ср. вышеприведенное мѣсто), но добавилъ при этомъ, что это—*палліативъ* сравнительно съ вызываемымъ системой очисткой городовъ расхищеніемъ человѣческихъ экскрементовъ. Вотъ этотъ пунктъ должны были бы опровергнуть критики, если бы они были способны спорить по существу,—показать, что это не палліативъ. Объ этомъ они и не подумали. Понятно само собой, что возможность замѣны естественныхъ удобреній искусственными и фактъ этой (*частичной*) замѣны ни на іоту не опровергаетъ того, что не раціонально выбрасывать естественныя удобренія понапрасну, отравляя при томъ нечистотами рѣки и воздухъ въ пригородныхъ и при фабричныхъ мѣстностяхъ. Около большихъ городовъ и сейчасъ существуютъ поля орошенія, утилизирующія городскія нечистоты съ громадной пользой для земледѣлія,—но утилизируется такимъ образомъ только ничтожная доля нечистотъ. Искусственныя удобренія —говоритъ Каутскій, отвѣчая но стр. 211 своей книги на то самое возраженіе, будто новѣйшая агрономія опровергаетъ фактъ агрономической эксплуатаціи деревни городомъ, которое гг. критики преподносятъ ему за нѣчто новое,—искусственныя удобренія все въ большемъ и большемъ размѣрѣ означаетъ лишь еще одно изъ тѣхъ многочисленныхъ отягощеній сельскаго хозяйства, которыя *отнюдь не являются естественной необходимостью, а проистекаютъ изъ существующихъ соціальныхъ отношеній*" *).

Въ подчеркнутыхъ нами словахъ заключается весь «гвоздь» вопроса, такъ усердно запутываемаго критиками. Писатели, которые, подобно г. Булгакову, пугаютъ пролетаріатъ «хлѣбнымъ вопросомъ» болѣе страшнымъ и важнымъ, чѣмъ соціальный вопросъ, которые восторгаются искусственнымъ ограниченіемъ дѣторожденія, говоря, что «регулированіе прироста населенія» становится «основнымъ (sic!) экономическимъ условіемъ» благополучія крестьянства (II, 261), что это регулированіе заслуживаетъ «уваженія», и что «много лицемѣрнаго негодо-

*) Разумѣется, искусственныя удобренія—говоритъ Каутскій далѣе—не исчезнутъ съ паденіемъ капитализма, но они будутъ обогащать почву особыми веществами, а не исполнять *всю* задачу возстановленія плодородія почвы.

ванія» (только лицемѣрнаго? а не законнаго негодованія противъ современныхъ общественныхъ порядковъ?) «возбуждаетъ крестьянскій приростъ населенія у сентиментальныхъ (!?) моралистовъ, какъ будто безудержная похотливость (sic!) сама по себѣ является добродѣтелью» (тамъ же), — подобные писатели естественно, неизбѣжно должны стремиться къ тому, чтобы оставить въ тѣни *капиталистическія* препятствія земледѣльческому прогрессу, чтобы свалить все на естественный «законъ убывающаго плодородія почвы» чтобы выставить уничтоженіе противоположности между городомъ и деревней «совершенной фантазіей». Но какимъ безграничнымъ легкомысліемъ должны отличаться гг. Черновы, чтобы вторить подобнымъ разсужденіямъ и въ то же время упрекать критиковъ марксизма въ «отсутствіи принципіальности, эклектизмѣ и оппортунизмѣ» (Р. Б. № 11, стр. 246) ?! Черновъ, упрекающій другихъ въ отсутствіи принципіальности и оппортунизмѣ, — что можетъ быть комичнѣе этого зрѣлища?

Всѣ остальные критическіе подвиги нашего Ворошилова совершенно такіе же, какъ сейчасъ нами разобранный.

Если Ворошиловъ увѣряетъ васъ, что Каутскій не понимаетъ разницы между капиталистическимъ кредитомъ и ростовщичествомъ, что онъ обнаруживаетъ полное неумѣніе и нежеланіе понять Маркса, когда говоритъ о крестьянинѣ, исполняющемъ функціи предпринимателя и въ качествѣ таковаго занимающимъ относительно пролетаріата мѣсто подобное фабриканту, если Ворошиловъ бьетъ при этомъ себя въ грудь и восклицаетъ: «говорю это смѣло, ибо чувствую (sic!) подъ собою твердую почву» (на славномъ посту» стр. 169), — то вы можете быть спокойны: Ворошиловъ опять безбожно путаетъ и такъ же безбожно хвастаетъ. Онъ «не замѣтилъ» въ книгѣ Каутскаго мѣстъ, посвященныхъ растовщичеству, какъ таковому (Agrarfrage, S. 11, 102—104 особенно, 118, 290—292), и ломится изо всѣхъ силъ въ открытую дверь, крича при этомъ, какъ водится, о «доктринерскомъ формализмѣ», «нравственной черствости» Каутскаго, «издѣвательствѣ надъ человѣческими страданіями» и пр. Что же касается до исполненія крестьяниномъ функціи предпринимателя, то эта удивительно мудренная вещь, повидимому, превосходитъ мѣру пониманія Ворошилова. Въ слѣдующимъ очеркѣ мы попробуемъ однако разъяснить ему ее на самыхъ конкретныхъ примѣрахъ.

Если Ворошиловъ желаетъ доказать, что онъ настоящій представитель «интересовъ труда» и громитъ Каутскаго за «изгнаніе изъ рядовъ пролетаріата множества самаго доподлиннаго рабочаго люда» (тамъ же, стр. 167), въ родѣ Lumpenproletariat'a, прислуги, кустаря и т. п., — то знайте, что Ворошиловъ путаетъ,

Каутскій разбираетъ здѣсь признаки, выдѣляющіе тотъ «современный пролетаріатъ», который создалъ современное соціальдемократическое пролетарское движеніе» (Agrarfrage, S. 306), и Ворошиловы не сдѣлали еще до сихъ поръ такого открытія, чтобы босяки, кустари или прислуга создали соціальдемократическое движеніе. Упрекъ же, что Каутскій способенъ «изгонять» прислугу (начинающую теперь въ Германіи примыкать къ движенію), кустарей и пр. изъ рядовъ пролетаріата,—показываетъ только въ полномъ видѣ всю беззастѣнчивость Ворошиловыхъ, которые тѣмъ охотнѣе проявляютъ свое дружелюбіе къ «доподлинному рабочему люду», чѣмъ меньше практическаго значенія имѣютъ такія фразы и чѣмъ безопаснѣе разносить *вторую часть* «Аграрнаго вопроса», не пропущенную россійской цензурой. Впрочемъ по части беззастѣнчивости есть и еще перлы: восхваляя гг. Н.—она и Каблукова съ полнымъ умолчаніемъ о направленной противъ нихъ марксистской критикѣ, г. Черновъ въ то же время съ напускной наивностью спрашиваетъ: кого это разумѣютъ нѣмецкіе соціаль-демократы подъ своими русскими «товарищами»? Не вѣрите, что въ «Русскомъ Богатствѣ» ставятся такіе вопросы, такъ справьтесь съ № 7, стр. 166.

Если Ворошиловъ увѣряетъ, что «предсказанія» Энгельса о безрезультатности бельгійскаго рабочаго движенія, благодаря вліянію прудонизма «потерпѣли крушеніе»,—то знайте, что Ворошиловъ опять извращаетъ дѣло, слишкомъ увѣренный въ своей, такъ сказать «безотвѣтственности». Вотъ его слова: «Недаромъ Бельгія никогда не была ортодоксально-марксисткой, и недаромъ недовольный ею за это Энгельсъ предрекалъ, что бельгійское движеніе, благодаря вліянію «прудонисткихъ принциповъ», пойдетъ «Von nichts durch nichts zu nichts» Увы! его предсказанія потерпѣли крушеніе, а широта и всесторонность бельгійскаго движенія сдѣлали его въ настоящее время образцомъ, по которому многому научаются многія «правовѣрныя страны». (Р. Б. № 10, стр. 234). Дѣло было такъ: въ 1872-мъ (семьдесятъ второмъ!) году Энгельсъ полемизировалъ въ соціаль-демократической газетѣ «Volksstaat» съ нѣмецкимъ прудонистомъ Мюльбергеромъ и, возражая противъ преувеличенія значенія прудонизма, писалъ: «Единственная страна, въ которой рабочее движеніе находится непосредственно подъ вліяніемъ прудоновскихъ «принциповъ», это—Бельгія, и именно поэтому бельгійское рабочее движеніе и идетъ, по выраженію Гегеля, «отъ ничего черезъ ничто къ ничему» *).

*) См. брошюру „Zur Wohnungsfrage“ Zürich, 1887, содержащую въ себѣ перепечатку статей Энгельса противъ Мюльбергера 1872 года и его введеніе, помѣченное 10-мъ января 1887 г. Цитированное мѣсто на стр. 56.

Итакъ, это *прямая неправда*, будто Энгельсъ что-либо «предрекалъ» или «предсказывалъ». Онъ говорилъ только *про то, что есть*, т. е. про то, что было въ 1872 году. А это несомнѣнный историческій фактъ, что *въ то время* бельгійское движеніе топталось на одномъ мѣстѣ именно благодаря господству прудонизма, вожаки котораго высказывались противъ коллективизма и отвергали самостоятельную политическую дѣятельность пролетаріата. Только въ 1879 г. образована была «бельгійская соціалистическая партія» и только съ этого времени начинается та агитація за всеобщее избирательное право, которая ознаменовала побѣду марксизма надъ прудонизмомъ (признаніе политической борьбы пролетаріата, организованнаго въ самостоятельную классовую партію) и начало выдающихся успѣховъ движенія. Современная программа «бельгійской рабочей партіи» восприняла (не говоря объ отдѣльныхъ менѣе важныхъ пунктахъ) *всѣ* основныя идеи марксизма. И вотъ въ 1887 году, въ предисловіи ко второму изданію своихъ статей о жилищномъ вопросѣ, Энгельсъ особенно подчеркиваетъ «гигантскій прогрессъ международнаго рабочаго движенія за послѣднія 14 лѣтъ». Прогрессъ этотъ тѣсно связанъ,—говоритъ онъ,—съ вытѣсненіемъ прудонизма, который *тогда* господствовалъ, а *теперь* почти забытъ. «Въ Бельгіи—замѣчаетъ Энгельсъ—фламандцы оттѣснили валлоновъ отъ руководства движеніемъ, смѣстили (abgesetzt) прудонизмъ и сильно подняли движеніе» (стр. 4 той же брошюры, предисловіе). Неправда ли, какъ вѣрно изображено дѣло въ «Русскомъ Богатствѣ»?

Если Ворошиловъ... но довольно! За легальнымъ журналомъ, который можетъ ежемѣсячно врать на «ортодоксальный» марксизмъ, какъ на мертваго,—намъ, разумѣется, не угоняться.

